

**СЕРГЕЙ
ВОЛКОВ**

ПРОРОК
ТЕМНОГО
МИРА

Управление Т

Сергей Волков

Пророк Темного мира

«Автор»

2010

Волков С. Ю.

Пророк Темного мира / С. Ю. Волков — «Автор»,
2010 — (Управление Т)

ISBN 978-5-17-068047-4

Приключения сотрудников Управления Т в Темном мире продолжаются! Охотясь на Коша, тайного владыку московских незнатей, лейтенант Тамара Поливанова и бывший домовый Мыря попадают в диковинный мир. Что это — прошлое Земли, будущее или вообще параллельное измерение? Вокруг царит кровавое средневековье, темное, как тоннель метро. Люди не живут, а выживают. Нежить подстерегает на каждом шагу. Пытаясь разобраться, куда же их занесла злая судьба и есть ли шанс вернуться домой, Тамара выясняет, что от нее — ни больше, ни меньше — зависит судьба мира. И вот волшебный конь увозит сотрудников Управления Т в неведомые дали, чтобы исполнить пророчество и вернуть сорвавшееся колесо истории на место...

ISBN 978-5-17-068047-4

© Волков С. Ю., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Волков

Пророк Темного мира

*Будущее – в настоящем, но будущее – и в прошлом. Мы создаем его.
Если оно плохо – это наша вина.*
Анатоль Франс

*Цивилизация шла, шла и зашла в тупик. Дальше некуда. Все
обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно,
что никуда не выведут: надо начинать новое.*
Лев Толстой

Пролог

Права народная мудрость – никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. И к добру, к худу ли такие потери и обретения – этого человеку понять тоже не дано. После памятной зимней рыбалки на Спасском озере, после того, как братья Возжаевы стали свидетелями боя между неведомыми жуткими обитателями «буржуйского поселка» и не менее жутким спецназом, Павел сильно изменился. Исчез придурковатый увалень, слюнявый, вечно улыбочивый деревенский дурачок, едва умевший самостоятельно штаны застегнуть да ложку с кашей в рот отправить. Теперь это был поджарый, быстрый в движениях и суровый в словах человек. Чужой человек. Он мало ел, почти не спал, а все ходил, ходил вокруг Разлогово, по полям, лесам, берегами Камаринки, и запавшие глаза его горели вызывающим оторопь даже у брата Петра огнем.

Дачники, понаехавшие с приходом лета в деревню, боялись этого нового, переродившегося Павла. Петр как-то краем уха услышал разговор двух дачниц, почтенных матрон, точивших лясы у колонки:

– Психа-то нашего видала? Раньше был теленок, а теперь – волк! Глянет, аж мурашки по спине.

– Да уж, дал Бог соседа. Теперь за детьми смотреть надо. На речку уже так, как раньше, не отпустишь. Прибил бы его кто-нибудь...

Прибить пытались. Развеселые компании, прикатывающие в Разлогово на выходные – покуражиться среди березок, водки нажраться, навести шороху на тихую деревеньку, – стали задирать парня. В прошлые годы такого не было. Обычно если Павел и подходил к городским гулеванам, одаривали его от щедрот хлебосольной пьяной русской души куском арбуза, пирожным, конфетами, пытались стопку налить. Теперь все изменилось.

– Чё смотришь? – наливаясь непонятной, тягучей злобой, поднимались от мангала мужики и шли на Павла, как в атаку. – Вали отсюда, козел!

Павел в ответ мрачнел, сводил поседевшие после того памятного дня брови к переносице и грозил готовым броситься в драку людям коричневым пальцем.

– Плохо живете! Нельзя так!

Пару раз доставалось. Побои он сносил молча, не рыдал, как прежде, не бился в припадках, не звал Петра на помощь. Получив пару затрещин, отсмаркивал кровь из носа, утирал разбитые губы и снова за свое:

– Плохо живете! Нельзя так!

К концу июня, когда неожиданно дуром поперло в огороде – только успевай поворачиваться, – заметил Петр в брате новую переменку. К Павлу начали лнуть животные. Кошки, собаки, коза старухи Иванихи, птицы, что испокон веку живут возле человеческого жилья,

окужали худого, нелепого человека, бегали и летали за ним как привязанные. «Пан спортсмен», дачник, круглый год обитавший в Разлогово, возвращаясь однажды с одной из своих вечных пробежек, увидел, как по пыльному проселку вышагивает Павел, а за ним цепочкой семенит десяток ежей.

– Меня как по башке ударило, – рассказывал «Пан спортсмен» Петру. – Он ж как гаммельнский крысолов! Только дудочки не хватает.

Дудочки у Павла и впрямь не было. Чем-то другим привлекал он к себе разных тварей и зверюшек. Привлекал – и привечал. Кормил мышей хлебными крошками, пересвистывался с синицами, что-то ворчал горлом собакам, и даже самые злобные городские кобели, что вечное лето сидели на привязи за заборами хозяйских дач, переставали гавкать и начинали ластиться к человеку, точно щенки.

И еще одна странность замечена была всеми: Павел начал влиять на детей. При его появлении впадали они, избалованные московские мальчики и девочки, в настоящий транс. Капризы, истерики, грубость, все эти «хочу – не хочу», «буду – не буду» исчезали, как по мановению волшебной палочки. Завидев над забором лохматую голову Павла, дети смотрели на него, как на чудо, и когда он бросал на ходу:

– Природу любите! Города – зло! Бегите оттуда! – детские головенки согласно кивали.

В Разлогово сделалось беспокойно. Испуганные мамыши и папаши несколько раз приходили к Петру, требовали посадить брата под замок.

– Так он же ничего плохого не делает, – разводил руками старший Возжаев. – Никого не трогает...

– Еще б тронул! – ярились дачники. – Убьем! Милицию вызовем! Псих он! Нельзя такому среди нормальных людей жить.

– Раньше-то, когда и впрямь дурачком был, не боялись вы его, – с горечью говорил Петр.

– Пусть лучше дурачок, чем такой... Запри его, иначе пожалеешь!

Петр и запер. Сидел теперь Павел день-деньской в дальней комнатке их небольшого дома, глядел в окно, ждал осени, когда съедет обратно в городские квартиры дачная кодла. От нечего делать пристрастился он слушать радио. С утра до ночи, меряя шагами облупившиеся половицы, внимал Павел международным и российским новостям, интервью политиков и звезд шоу-бизнеса, песням и рекламе.

Лишь с наступлением темноты выпускал Петр брата в огород – подышать свежим воздухом. Павел сомнамбулой бродил меж дружно зеленеющих грядок, бормотал что-то, поднимал голову к звездам, иногда ложился на траву у забора.

Как-то Петр, собравшись уже спать – с утра надо было рано встать, картошку окучить, чеснок прополоть, – выглянул с заднего крыльца, чтобы позвать брата, и замер в дверном проеме, точно гвоздями прибитый.

Павел, освещаемый легким, призрачным светом полной Луны, стоял у калитки, а на заборных столбах сидели и смотрели на него огромными, жуткими глазами совы. И впервые с зимы увидел Петр, что брат улыбается. Нечеловеческой, умиротворенной улыбкой познавшего истину...

Старуха Ивановна, когда Петр рассказал о странном и страшном происшествии, безапелляционным тоном заявила:

– К батюшке веди. К отцу Валериану. В Завалишино. Знаешь, где церква?

Петр кивнул. Церковь, в советские времена бывшую детским садом, восстановили лет пять назад. Детсад закрыли за ненадобностью – все одно детишек в Завалишине, некогда многолюдном селе, теперь было всего несколько, да и на тех приходилось по полному комплекту бабок-дедок – есть кому приглядеть.

В церкви побелили стены, поставили над колокольной золотой куполок с крестом, навесили на окна кованые решетки, красивые, все в завитках и виньетках. «Душа, – многозначи-

тельно заявил глава сельского округа на торжественной церемонии открытия возрожденного храма, – это то, чем человек отличается от животного. И за души моих односельчан я теперь спокоен».

Отец Валериан, назначенный приходским священником в Завалишинский храм, быстро приобрел в округе популярность, и со всех окрестных сел и деревень, а то и из райцентра потянулись к нему верующие со своими горестями и бедами. Петр с братом несколько раз бывал в церкви – на Пасху, на Троицу, ставил свечи за упокой матери и всей родни, с батюшкой разговаривал. Тот показался ему человеком рассудительным, добрым и отзывчивым.

От Разлогово до Завалишино путь неблизкий. Петр и Павел вышли засветло, чтобы успеть вернуться к вечернему поливу огорода. После трехнедельного затворничества Павел бодро шагал по пыльному асфальту, высоко держа обстриженную под ноль голову. Петр едва поспевал за братом, исподволь наблюдая за ним. «Совсем седой стал Павлушка, – крутились в голове невеселые мысли. – Седой, а телом ровно подросток. Ох, что ж батюшка скажет? Вдруг разглядит в брате сатанинскую силу какую – что тогда делать?»

Размышления Петра прервали две трясогузки. Примчались из духмяного травяного разлива полей и, поцвиркивая, закружились над головой Павла, закрутили хоровод, а потом уселись на плечи и замерли, точно приклеенные.

– Пашка, ты б птичек-то согнал, – испуганно попросил Петр.

– Нельзя, – убежденно ответил брат.

Так и вошли в Завалишино – Павел впереди, с трясогузками на плечах, Петр за ним, снедаемый тяжкими мыслями.

Отец Валериан был дома – для него с матушкой выстроили ладный коттеджик, по современной строительной моде облицованный сайдингом. Поповские ребяташки возились со щенком. Петр попросил вызвать батюшку, а когда тот вышел на крыльцо, в простой, мирской одежде, с недочитанной газетой в руке, поклонился.

– Вот, батюшка, брата привел. Неладное что-то с ним. Посмотрите.

Отец Валериан сощурил умные глаза, положил газету на перила, спустился с крыльца, улыбаясь.

– Здравствуй, Павел. Как поживаешь?

– Не спасете вы людей, – глядя в сторону, глухо произнес вдруг тот, и трясогузки с пронзительным писком вспорхнули, вновь закружив каруселью над стриженной головой. Дети бросили щенка, выстроились в линейку, преданными глазами глядя на чудного гостя.

– Спасем, – спокойно ответил батюшка. – Не мы – Бог. Души спасем.

– Это неправда. Правда – в природе. Она – сила. Все остальное – зло, – четко выговаривая слова, произнес Павел, и, повернув голову, посмотрел священнику в глаза.

– Гос-споди... – прошептал отец Валериан и начал часто креститься, пятясь к дому.

– Города – зло! – Голос Павла неожиданно обрел какую-то запредельную для человека силу, загремел, загрохотал над сонной летней улицей. – Техника – зло! Наука – зло! Отриньте все, идите в леса, живите, как предки жили, – только тогда спасетесь! Мрак идет на род людской. Смерть уже косу подняла! Древние силы будить нужно, только они помогут, только с ними выживут дети...

– Дети, – охнул батюшка, нетвердой рукой уцепившись за перила крыльца, испуганно оглядел двор. – Андрей, Владимир, Елена, Ольга – в дом! Быстро в дом!

– Дети умнее вас. – Павел властным жестом выкинул вперед руку. – Дети чувствуют истину! Я спасу их. Тех, кто слышит меня.

Ребятишки, дернувшиеся было исполнить приказ отца, снова застыли на месте, широко улыбаясь.

– Бес в тебе! – закричал отец Валериан, торопливо выпрастывая из ворота рубашки нательный крест. – Это бес вещает! Изыди! Во имя Господа нашего, во имя Святой Троицы! Изыди!

Петр, обмерший, едва только Павел начал говорить, почувствовал себя совсем плохо. Он разрывался между любовью к брату и желанием встать на сторону священника, принять его правоту. «Пашка и впрямь с нечистой силой снюхался. Ой, беда... Чего делать-то? Святой водой? Или в больницу?»

Собравшись с духом, он бросился к брату, попытался сгрести его в охапку, утащить с поповского двора, но Павел только качнулся влево-вправо, стряхивая с себя Петра, и вновь заголосил:

– Железный телец погубит род людской! Смерть носите вы с собой, на смерти едите, со смертью спите. Отриньте зло! Я знаю путь к спасению и поведу вас! Увидьте силу мою!

И тотчас же со всех сторон, изо всех домов и дворовых построек Завалишино пошел мощный звук – замычали коровы, завизжали свиньи, заблеяли овцы и козы, отчаянно закудахтали куры, и все это покрывал яростный собачий лай. Тучи птиц затмили солнце, под ударами копыт и рогов с треском вылетали двери сараев, как подкошенные, падали заборы, и к дому отца Валериана по проулкам, через огороды мчалось небывалое звериное войско.

Перепуганная, рыдающая матушка силой утащила детей в дом и заперла дверь. Мужа она тоже пыталась увести, но священник будто прирос к крыльцу, высоко воздев сияющий на солнце крест и выкрикивая слова молитвы:

– Господи помилуй! Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедший в мир, Пречистою Приснодевою Мариною, истинною Богородицею, на спасение всего мира. Проклят бо еси и вся неприязненная твоя дела и помышления, яже во дни, и в нощи заклинаю тебя душе нечистый, великим именем Святой Троицы, да не влагаеши рабу Божию Павлу болезней вредных, помыслов неприязненных, но отыди в места пуста и безводная, идеже человек не обитает. Бог един призывает тебя! Бог един призывает тебя!!

Павел стоял напротив и улыбался. Над его головой крутился пестрый нимб из птиц, по обе руки расселись на траве кошки, собаки, кролики, нутрии; за спиной встали нестройными рядами коровы и лошади.

– Вот – сила! – звонко сказал Павел. – Она доказывает правоту мою.

– Бра-атка... – прохрипел Петр, вдоль палисада подползая к Павлу. – Брось! Уйдем...

По улицам Завалишино уже бежали следом за ушедшим скотом перепуганные хозяйки. Женский плач и крики слышались со всех сторон. Мужики, смекнув, что дело – дрянь, похватили кто ружье, кто топор, кто вилы и тоже устремились к дому священника.

– Заклинаю тя душе нечистый и лукавый, именем едиnorodного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, да не соблазниши немощию и лукавыми мечтаниями раба Божия Павла, да всегда ко Господу Богу молитвы чисты приносишь. Твоя же лукавствия дневная и ночная, да будет с тобою. За няже ответ воздаси в день судный. Аз же ко Господу Богу моему служу денноношно, тебе упраздняшу и прогоняшу, мене же укрепляшу и вразумляшу мя, за многую его благодать и человеколюбие славлю! Славлю! – в иступлении кричал древние слова изгоняющей беса молитвы отец Валериан.

– Я все равно спасу тех, кто поверит мне, – просто сказал Павел и коротким жестом отпустил зверье. Птицы взвились в воздух и порскнули в стороны, коровы, удивленно мотая рогатыми головами, принялись щипать жухлую придорожную траву. Кошки разбежались первыми, следом понеслись собаки. Петр вцепился в рукав брата, потащил его через мычащее, блеющее стадо прочь, но тут завалишинцы догнали братьев, и на них со всех сторон посыпались удары. Попытавшись что-то объяснить разъяренным, обезумевшим людям, Петр не успел даже понять, что его никто не слушает. Получив удар обухом топора в лоб, он упал в пыль.

Спустя мгновение с окровавленным лицом рядом рухнул Павел. Толпа обступила братьев, а над людскими головами рвал воздух голос отца Валериана:

– Изыди, сатана, проклят буди и вся лукавая твоя сила! Яко благословися и прославися пречистое имя Отца, Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь!

...Петр вернулся в Разлогово через неделю. Сломанная рука в гипсе, лицо заплыло от синяков, на голове выбрита залитая зеленой проплешина, поблескивающая скобками. Дом встретил выбитыми окнами, сорванной с петель дверью. Забор вместе с калиткой лежал, на проломленных досках отпечатались протекторы колес большого грузовика. В комнатах царил разгром, все было вверх дном, даже железные кровати разобраны и покорезены.

Окаменев лицом, Петр вышел на заднее крыльцо – и застыл, пораженный. Огород, семь дней не знавший полива, по жаре должен был лечь, пожухнуть. Но этого не произошло, наоборот! Зелень, капуста, огурцы, помидоры, репа, свекла, картошка набрали мощь, пошли в рост, задушив сорняки.

– Петя, – прошелестел из густых зарослей смородины голос старухи Иванихи. – Ты живой, че ли? Ой, че было тут, Петя... Милиция приезжала и эти... в штатском. Обыск делали. А где ж Павлуша-то?

– В спецклинике он, – с трудом шевеля деревянными губами, ответил Петр.

– А когда ж отпустят?

– Никогда...

Ночь выдалась темная, слепая. Низкие облака, еще с полудня затянувшие небо, не пропускали света волчьего солнышка – Луны. Все же Бойша различал край небосвода, очерченный изломанной линией Стражного леса. Мягкое, пепельное сияние лилось сверху, чуть разбавляя непроглядный мрак, затопивший землю. В темноте все кошки серы. Темнота – татам мать родна. И еще: темнота для итера – что день для чистуна-посадщика. Потому что есть у итеров филин-глаз. И всегда под рукой верное шибало.

Сухая тропа, где держал секрет Бойша, вилась меж оплывших бугров и редких рощиц Валдайского пустоземья. С полуночи на полдень, в обход путеводных плешей и людных посадков, в обход застав и пограничных постов Сухая тропа много лет была главным тайным трактом для контрабандистов, воров, убийц, беглых монахов, отступников, изгнанных, проклятых, отринутых, выброшенных из жизни, но цепляющихся за нее людей. Бойша и сам не раз хаживал по тропе, отсиживался в схронах, ночевал по норам и берлогам, встречался с прохожим людом. А вот сегодня должен был нарушить одну из неписанных заповедей – на Сухой тропе убивать нельзя. Если есть такая надобность – дожись, когда кровник или кто ненавистный тебе сойдет с тропы, и тогда уж боги вам судьи. Но тропу кровью полить не могли, ибо заповедна она и чиста от скверны. А уж коли нарушил ты запрет – не обессудь. Всяк свободный вправе на тебя оружие поднять и покарать жестоко. Чистые старцы давно таким отступникам-убивцам приговор вынесли – смерть. Вот то же и Бойшу ожидает, если что-то не по его задумке пойдет.

– Итер силен разумом и мастерством своим, – еле слышно прошептал засадчик девиз своего сообщества. – Для итера нет преград. Выпутаемся...

Чтобы приободриться, он даже начал про себя напевать недавно сложенную песню о Первом Учителе:

Вы в ночи его след не найдете,
Когда ветер развеет золу.
Когда дождь замерзает в полете,
Он уйдет в предрассветную мглу.
Босиком, без дороги, вперед,
Прикрыв плечи промозглым туманом,

За судьбою он следом бредет,
Без надежды. Но и без обмана.
Где-то шорох опавшей листвы,
Ветра свист в оголившихся ветках,
Да щетину увядшей травы
Переплел дождь хрустальной сеткой...

На лугу за рекой перекликались дергачи. В омуте плеснула большая рыба. Пронзительно завопила в чаще сова-сипуха. Полевки шуршали травой, а где-то в ветвях старой рябины, у корней которой устроил себе ухоронку Бойша, трекал сверчок. Ночь перевалила за средину и покатила к утру, к волчьему часу. Совсем немного осталось до того, как на тропе появятся сыны Всеблагого Отца, будь они трижды прокляты. Они понесут тексты из разгромленной на Псковских болотищах лабы итеров. Вообще-то, по уложению все того же Всеблагого Отца, все обнаруженные книги и записи старого мира нужно уничтожать на месте, но так бывает не всегда. Вот и теперь верные псы наместника Всеблагого, Человека-Без-Имени, схоронили написанное профом Разглядом и несут своему властелину по тайной тропе. Сам проф, Бойша это знал наверняка, висит на воротах лабы вверх ногами вместе со своими верными менесами, и лица их уже изгрызли дикие звери. Но нарук Стило Трошсын, верховный итер Россейщины, отправляя его на задание, сказал четко: «Про месть не думай. Мракобесам другие воздадут должное. Твое дело – тексты. Принесешь – и я дам согласие. Будет Талинка твоей женой. Нет – не обессудь, решу в пользу Покраса».

Бойша понимал, почему нарук так суров с ним. Род Бойши, Логами именуемый, слыл среди итеров самым своенравным. Логсыны бродили по всей Россейщине, часто нанимались в проводники и сторожа к обозным чистунам, шли в посадные и городищенские дружины, меняли высокое звание итера и путь служения разуму на вольную долю. Не был исключением и Бойша. В свои два с половиной десятка зим обошел он всю землю – от Опоясных гор до закатных топей на Полесье, от яблоневых садов Колы до жарких пустынь у подножья Светлых гор. Ходил торными путеводными плешами, пробирался потаенными тропами, плыл водой, брел пущей, шлепал болотинами; бывало, и мертвоземье пересекал в своих скитаниях, потом неделями отлеживаясь в потаенных итерских болечебнях. Служил Бойша наймитом у торгового люда, бывал и приказчиком, подряжался охранять караваны, погонял коней, носил вести, бился, бил, бывал ранен. Прав нарук – такая судьба более не итеру, а чистуну под стать. Потому и воспротивился он, когда на ежегодном сборе всех родов итеров, на конфере, посватался Бойша к красавице Талинке, дочери главы рода Мехов старого Звана Точилы.

«Ничего, – успокаивал себя Бойша. – Тексты добуду, Стиле снесу, а под Годоворот и свадьбу сыграем. Сяду в лабе на Поворотном камне, дом поставлю, хозяйство оборудую, с ветряком, как положено, чтобы небесные искры в доме жили. Хватит, помотался по свету, пора и о детях подумать...»

Но мечты о будущей счастливой и спокойной жизни омрачало лишь одно – слово, опрометчиво данное Бойшей незнакомцу Атяму. Не то чтобы трудной казалась служба незнакомца, да вот темной она была – это да. «А и если все обтяпать так, чтобы никто ни слухом, ни духом – все и ладно сложится», – решал-гадал Бойша, не забывая при этом по многолетней привычке сторожко прислушиваться к ночным звукам. Время от времени он задирает голову к небу и «ловил час», угадывая время. Если вдруг возникали сомнения, Бойша сверялся с древним времясчетом, что дал ему нарук Стило. Времясчет, легкий, удобный, крепился на запястье стальным браслетом и светился в темноте. Всем он был хорош, кабы не две вещи: тикал времясчет для опытного уха весьма различимо – это раз, и отдать его нужно было по возвращении – это два.

«Если все ладом сполну, попрошу у старика этот механизм. Тексты Разгляда дорогого стоят, авось Стило не откажет», – лениво подумал Бойша и тут же напрягся, рукой нашаривая надо лбом филин-глаз.

Со стороны Стражного леса, там, где Сухая тропа огибала путеводную плешь и перебежала через нее в небольшой низинке, послышались шорохи. Еле слышные, они не могли принадлежать зверью, дикая тварь ходит легко, если и заденет где ветку или сухой листок, то никогда второй раз такого не сделает. А тут звуки были частыми, повторяющимися – ширк-ширк-ширк. «Плащи о ноги трутся, – определил Бойша. – Идут четверо. Торопятся. А нарук говорил – трое должно быть. Может, не мои?»

Опустив филин-глаз, итер зажмурился, пережидая колючую игру небесных искр в удивительном приборе, и через овальное смотрило глянул на тропу, залитую теперь густым зеленым сиянием. Вот кусты бузины слева, вот заросли иван-чая справа. Тропа тут переваливала через невеликую горочку и лежала перед Бойшей как на ладони. Он уже давно прикинул, как сладит с чистунами, – дождется, когда они начнут спускаться с горочки, и положит всех. Шибало осекается редко, прицел выверен, пчелы остры, порох сухой и гильзы чищенные, без изъяна. Патроны Бойша снарядил как надо, смазал сурочьим жиром. Восемь штук их в самосдельном медном улье да три запасных за пазухой.

На вершине горюшки качнулись ветки ивняка, темными полосами зарябив картинку филин-глаза. «Идут», – понял Бойша. По телу прокатилась волна жара, руки нашарили шибало, бережно обернутое в сшитый из беличьих шкур чехол. Осторожно вытащив оружие, итер выставил длинный ствол из зарослей, поглядел в кружок прицела, принаравливаясь целиться с филин-глазом. Чистуны уже появились на тропе и теперь спешно бежали вниз, стараясь не поскользнуться на косогоре.

«Чего ж их четверо-то? – снова озаботился Бойша, ловя на прицел первого. – Может, дорогой кто прибился. Загублю невинного человека. И-эх, ну да раз так выйдет – стало быть, судьба у бедолаги такая!»

И, помянув Пятерых Отважных, Бойша скинул с затвора предохранительную скобку. Палец привычно лег на отполированный спусковой крючок. Подведя пенек мушки в прицельном кольце под голову первого чистуна, Бойша крепко вжал приклад шибала в плечо и мягко потянул спуск. Бухнул выстрел, приглушенный стволовым насадником. Пахнуло кислым, стреляная гильза, выброшенная из затвора, улькнула в кожаный мешочек, подвешенный к оружию. Человек на тропе осел, а итер уже поймал в прицел второго. Еще выстрел – и второй чистун завалился на бок, нелепо взмахнув рукой. Двое оставшихся испуганно присели, поползли назад, в гору, не подозревая, что на этом и строил свой расчет Бойша. Если бы они сиганули с тропы в сторону, пришлось бы засадчику скрадывать чистунов по зарослям. На голом же склоне две человеческие фигуры виделись ясно, словно горошины на блюде. Выстрел – и третье тело покатило вниз. В мешочке уловителя звякнули гильзы. Последнего чистуна Бойша подстрелил на самом верху, вогнав ему пчелу в спину.

– Все! – вслух произнес итер. Теперь надо торопиться – забрать тексты, спрятать трупы и уходить. Бойша вскочил, закинул за плечо котомку и, сжимая шибало, пригнувшись, побежал к неподвижным телам.

Тексты – тетрадь, завернутая в выделанную кожу, – обнаружили в мешке у второго чистуна. Быстро обшарив убитых, Бойша разжился парой ножей, манеркой пороха, пригоршней гильз с капсулями, свинцовой пластиной и вырубкой для изготовления пчел, монетной мошной, широким кинжалом, тремя светунцами, кусом копченого мяса, сухарями, бутылью кваса. Все остальное – кольца, амулеты, одежду, наборные пояса – решил не брать, дабы случайно потом кто-то не узнал на нем вещей чистунов.

Оттащив два трупа в ложок за рябиной, у которой была его засидка, Бойша вернулся к тропе и тут обнаружил, что на ней лежит только одно тело. Четвертый чистун исчез, не оста-

вив следа. Бойша пошарил рукой по траве в том месте, где еще минуту назад лежал мертвее мертвого застреленный им человек, и не нашел крови. «Незнать! – обожгла итера страшная догадка. – Незнать с чистунами шел! Храни меня Великий Постулат! Хана дело. Драть когти надобно. Если быстро уйду – может, и пронесет...»

Взвалив труп последнего чистуна на плечо, Бойша бегом дотащил его до остальных, выпростал из котомки стеклянную пузатую флягу с едун-водой, облил тела и отшатнулся, когда с жутким шипением едун-вода принялась пожирать мертвую плоть.

«Все, теперь в Шибякину слободку», – сам себе сказал Бойша, глубоко вздохнул и рванулся прочь, уходя от Сухой тропы на закат. Он бежал, а в голове мотыльком у свечи билась одна-единственная мысль: «Может, и пронесет... Может, и пронесет...»

Бойша не видел, как со ствола бузины сползло на опустевшую тропу пятно мрака, как обернулось оно высоким тощим мужчиной с собачьей головой. Тихо взыв, псеглавец выставил во тьму костлявые руки, плетя заклятие, и вот уже перед его глазами возникла во мраке и легла на ночную траву тонкая серебряная цепочка следов, оставленных итером. Опустившись на четвереньки, человек-пес шумно засопел и бросился за Бойшей...

На замшелом пне, кривым пальцем торчащем из земли у самой опушки леса, нахохлившись, сидел ворон. Подслеповато глядя на разгорающийся рассвет, он оглашал путеводную плешь хриплым карканьем, приветствуя рождение нового дня. В этот предутренний час все иные звуки и движения умерли. Молчаливой стеной темнел лес, остановился ветер и серые валы облаков в зеленеющем небе, чуть обметанные по краю розовой каймой, висели неподвижно, точно были высечены из камня.

Когда над лесом вспыхнул огненный шар, ворон поперхнулся криком, косо сорвался с пня и рванулся было прочь, отчаянно маша крыльями. Он ждал солнца, чтобы погреть старые кости, чтобы впитать остывшим за долгую ночь телом ласковый жар светила, но вместо этого подслеповатые глаза птицы обожгло яростное сияние, вдруг разлившееся окрест. Длилось оно недолго. На краткий миг высветив путеводную плешь, клуб пламени погас, и в сырую, росную траву кто-то вытряхнул из невидимого мешка две человеческие фигурки. Они с глухим звуком ударились о землю – и замерли, недвижимые.

Ворон, сделав на широких пальчатых крыльях круг над лесом, вернулся на свой пень. Вцепившись когтистыми лапами в черное крошево старого дерева, он наклонил голову и принялся разглядывать чужаков. Шло время. Ночные тени под пологом леса съеживались, умялись, забираясь в расщелины коры, в заросли листореза, в ежевичные тенета, чтобы отсидеться там до следующей ночи. А на восходной стороне земли, багровое от потуг, щедро орошенное алой кровью небес, рождалось солнце. Вот его краешек прорезался над мглистым горизонтом – и лучи заиграли в мириадах капель, украсив каждую былинку, каждый лист россыпью самоцветов.

Но долгожданный восход светила уже не волновал птицу. Ворон коротко взмахнул крыльями, перелетая ближе к лежащим без движения людям. Ступив на землю плечи, ворон, делая длинные остановки на тот случай, если вдруг кто-то из них вскочит и кинется на него, боком, точно покалеченный, обскакал тела и удовлетворенно захрипел, чуть приоткрыв клюв. Это была пища. Еда. Сыть. Славный пир. Много дней покоя. Ворон блаженно зажмурился. Он жил долго. Он много видел. Крылья носили его по разным сторонам света, и опыт этих скитаний подсказывал птице – на этот раз трапезу не придется делить с другими падальщиками, как это бывает на полях сражений. Он здесь один. Стражный лес не пустит на плешь никакую тварь, что могла бы помешать ворону справиться кровавую тризну по погибшим. Он будет пить кровь, рвать мясо, долбить клювом кости, а насытившись – громко каркать, извещая весь мир о своей удаче.

Распахнув книгу крыльев, ворон опустился на спину тому человеку, что лежал ближе. Он уже нацелился клюнуть белеющую между жестких волос на шее плоть, но неожиданно крохотный мозг старой птицы одолели сомнения. Ворон почуял неприятно знакомый, терпкий запах опасности, источаемый человеком. Человеком?! Нет! Истошно каркая, птица рванулась ввысь, но – поздно. Быстро перевернувшись, лежащий ловко ухватил ворона за лапы, дернул к земле, смял плещущиеся крылья и сильным движением оторвал голову. Сжимая бьющееся в ладонях тело птицы, он припал потрескавшимися губами к разорванной шее – как к кубку...

Тамара очнулась от холода. На лицо девушки текла вода, газовый шарфик промок, между лопатками было сыро. Пахло прелью, травой и болотом. Разлепив веки, Тамара увидела над собой сложенные ковшом большие красные руки. Они, эти руки, казались центром мироздания, единственной реальностью в зыбкой расплывчатости остальной вселенной. Но вот из туманной мглы возникло и приблизилось бородатое лицо с кошачьими глазами, и хриплый голос бывшего домового Мыри дрогнул, произнося:

– Живая.

– Очки, – прошептала Тамара.

– Щась, девка, щась. Отыщем. Где ж им быть-то... Они ж вместе с тобой. Вместе с нами...

Пока Мыря, забивая ногти землей, шерстил влажную траву окрест, Тамара села, натянула полу плащика на озябшие коленки, размотала шарфик, похожий на вытащенную из воды медузу, и с отвращением выжала его, стараясь, чтобы мутные капли не попали на одежду.

– Вот они, окуляры твои! – приглушая радостный рык, возвестил Мыря. Широко шагая и бережно держа в вытянутых руках Тамарины очки, он приблизился.

– Спасибо. – Девушка протерла стекла носовым платком, мысленно отругав себя за то, что не послушалась Чеканина и не надела контактные линзы.

Первым делом она взялась за телефон, но умный аппаратик бодро сообщил, что она находится «вне зоны действия сети». Разочарованно вздохнув, Тамара убрала трубку, попутно отметив, как оглушающе громко в затопившей все тишине прозвучал треск «липучки» телефонного кармашка. Оглядев окрестности «вооруженным взглядом» и выяснив, что они находятся на широкой, метров сто шириной, прогалине, поразительно ровно рассекавшей дремучий лес, Тамара с удивлением посмотрела на домового:

– А где это мы?

Мыря, уверенными движениями подтянув офицерский ремень, что перепоясывал его выдавшую виды гимнастерку, хмыкнул в ответ:

– Вот чего не знаю, девка, того не знаю. Но место чудное. И дурное. Ты на лес погляди.

Тамара послушно поглядела. Лес стоял стеной. Опушенный по краю пьяным мехом чахлого, худоростого бурьяна, облитый по верхам утренним солнцем, он был пугающе ненастоящим – и в то же время настолько естественным, природным, что становилось страшно.

Могучие ели тянули во все стороны нагие обломки сучьев, изъязвленных пятнами белесых лишайников, космы мха свисали с ветвей редких осин и черных, сочащихся гнилью из трещин в коре, берез. То тут, то там вертикальные линии стволов наискось перечеркивали накренившиеся сухостоины, которым не суждено было упасть, чтобы сгнить и стать питательной средой для еще живых собратьев. Повиснув на их ветвях, умершие деревья обречены были остаться без лесного погребения и, густо облепленные чагами, казались лестницами, по которым можно подняться на небеса и вырваться из этого древесного ада.

Осклизлый мох, густо проткнутый сотнями крапчатых мухоморов, обволакивал корни. Обломанные пни залепила плесень. То там, то сям торчали из моховой мари скрюченные ветви, упавшие сверху. Они напоминали когтистые лапы неведомых существ, из-под земли тянувшихся к свету, да так и погибших без него. Ни звука не доносилось из густой чащи, лишь изредка вздрагивали темные еловые лапы, роняя в мох крупные, тяжелые капли.

Но более всего Тамару поразило то, что лес резко, без обязательного в таких случаях новороста, кустарника и одиноких деревьев-бегунков обрывался, словно существовала какая-то невидимая граница, переступить которую могла только трава – жухлые медвежьи дудки, квелая пижма и осот, таящий в своей тусклой зелени пурпурные колючие звездочки позднего цвета. Но и бурьянина, едва отойдя от края леса на пять-шесть шагов, угасала, опадая в мелкие лопухи, и далее по прогалу расстилался уже и вовсе мелкорост – подорожник, пастушьья сумка, хилый мятлик, мокрица. Мышиный горошек тянул соки из своих травяных собратьев; его фиолетовые цветы виднелись всюду. Они, да еще розовый туман кипрея вдали, там, где прогал поднимался по склону лесистого холма, да ядовитые пятна мухоморов во мхах были единственными яркими мазками на унылой картине здешнего бытия.

– И чарами тут пахнет, – продолжил Мыря. – Прямо воняет. Все тут чаровное – и лес этот, барма проклятая, и трава, и воздух. Не чувствуешь?

Тамара отрицательно покачала головой. Впрочем, воздух и впрямь был не подмосковный. Там, в окрестностях Можайска, на потаенном торжище незнатей, ветерок нес обычные пригородные ароматы – запахи бензина, недалней свалки, унавоженных полей и овощной гнильцы. Здесь же с каждым вдохом в Тамару будто вливалась мера ледяной, промозглой свежести. Слегка кружилась голова, грудь распирало от желания вдохнуть еще, еще этой дикой чистоты.

– Куды пойдем? – поинтересовался домовый, разгладив пятерней бороду.

– Не знаю, – пожал плечами Тамара, вновь принявшись оглядываться. Сбоку от холма над зубчатым окоемом леса поднималось тяжелое дрожащее солнце. «Значит, там восток, – поняла девушка. – А просека эта уходит на запад».

Она посмотрела туда, вдаль, где еще держалась у горизонта ночная мгла. Лес, лес, лес и лес – сколько хватает взора. Просека ударом исполинской плети рассекла чащобу, маня и словно предлагая себя: «Вот она я, торный путь. Идите, ну же!»

«Но на востоке, за холмом, эта вырубка наверняка тоже продолжается», – подумала Тамара и сказала, не глядя на домового:

– Надо бы на холм сходить, оглядеться.

– А и верно, – согласился Мыря. Пятнистый камуфляжный бушлат он где-то потерял и теперь остался в овчинной безрукавке-кожухе, надетом на гимнастерку, зеленых армейских галифе и валенках. В вырезе кожуха на груди домового тускло поблескивала медаль «За отвагу». Тамара посмотрела в желтые глаза Мыри и подумала, что если бы не ниточки вертикальных зрачков, домовый вполне сошел бы за человека. Этакое малорослого, но кряжистого мужика с сильными ручищами и кудлатой головой на короткой, толстой шее. Мужика, с которым «не пропадешь».

«Он опытный, бывалый. Куда бы нас ни забросило, сколько бы километров ни пришлось идти, Мыря выручит, выведет к людям, к телефону», – размышляла Тамара, бредя следом за домовым по постепенно поднимающейся просеке. По-прежнему не было ни дуновения. Отогревшаяся после ночи земля начала парить. Зыбкая дымка заткала дали, небо выцвело, тени укоротились. Вдали, над верхушками елей, медленно взмахивая крыльями, пролетела какая-то большая птица; еле слышно, на самом пределе слуха, донесся откуда-то протяжный, заунывный вой.

По дороге Тамара наткнулась в траве на обезглавленного, истерзанного ворона. Она уже хотела было окликнуть Мырю, но вспомнила, как домовый пучками травы вытирал руки, бороду, и решила не тревожить своего спутника. В конце концов, у всех свои обычаи и привычки...

До вершины холма оставалось не больше пяти десятков шагов, как вдруг Мыря присел, одновременно махнув Тамаре – стой! Она послушно остановилась, озадаченно вертя головой. Вроде ничего не произошло, всё осталось без изменений – и лес, и трава, и небо...

– Слышишь? – прошипел Мыря, едва не на четвереньках отползая назад. – Шумит. Ветер идет. Верховой.

Прислушавшись, Тамара тоже уловила ровный, далекий, но очень сильный – это чувствовалось – шум, похожий на звук морского прибоя.

– А я гляжу – сучьев в лесу накинано множество. Стало быть, должен тут быть ветер. Утром всегда поддувает, – вполголоса рассуждал Мыря. – Ан нет, тишина стоит. Не к добру...

Собравшись уже сказать домовому, что пугаться самому и пугать ее не надо, Тамара так и замерла с открытым ртом – высоко в небе над холмом появился вдруг нелепый пузырь, огромный, желтовато-бурый, раздутый и крест-накрест несколько раз перехлестнутый веревками. В нем то и дело вспыхивали и гасли красные и синие огоньки. Под пузырем на растяжках висела длинная рея, к которой был привязан большой грязно-серый парус, выгибавшийся под порывами еще не дошедшего сюда ветра. От паруса вниз, к земле, тянулись два толстенных каната.

– Нут-ко, девка, ховайся со мной! – выдохнул Мыря, зайцем сиганув с холма. Тамара побежала следом, упала, поднялась, у самой подошвы холма снова упала, ссадив кожу на ноге, и наконец вломила в сырой бурьян, привалившись к домовому и поглаживая закровянившее колено. Мыря молча сорвал лист подорожника, прилепил к ране. Тамара дернулась, с шумом втянула воздух через крепко сжатые зубы.

Дрогнула земля. Первый, еще слабый, еще бессильный, порыв ветра перепутал бодыли, приласкал траву на просеке, качнул ветви, а следом за ним уже катился тугой воздушный вал. Лес вздохнул – и зашумел, затрещал, заголосил, роняя сучья. Шишки грянули с верхушек елей, вонзаясь в налитанный влагой мох, как в воду, с плеском. Многоголосый этот плеск на мгновение заглушил все другие звуки, но шквал прошел, лес успокоился, и тогда Тамара и Мыря услышали тяжелый, надсадный скрип, даже не скрип – стон, наплывавший с вершины холма.

Домовой тихо ругался в бороду, протирая запорошенные травяным сором глаза:

– Козлами бешеными его б размыкнуть, чаровника ентого.

– Какого чаровника? – поеживаясь от жутковатых, стонущих звуков, вполголоса спросила Тамара.

– Того, что обустроил тут все... Неужто не понимаешь: и леса такого быть не может, и ветер так не дует, зараза. Слышь, стонет? Это еще один подарочек шкандыбает. Счас увидим.

И они – увидели.

Над поросшей редкой травой макушкой холма, как над облысевшей человеческой головой, возникло что-то темное, большое, непонятное. Молодое рассветное солнце, бившее в глаза, мешало рассмотреть его толком, в деталях. Вот оно, влекомое за канаты надутым парусом, вползло на самый взлобок, замерло там на секунду – и медленно обрушилось вниз, поплыло по просеке. Тамара различила сплошную спутанную массу древесных стволов, уложенных вязанкой, как хворост, а под ними – исполинские катки, широченные колеса в рост человека.

– Экая тележина! – удивленно пробормотал Мыря.

Непонятное сооружение приближалось. Стонущий звук от медленно поворачивающихся катков затопил всю просеку. Пахло гнилью, прелью, чем-то тухлым и еще, остро – не то нефтью, не то нафталином. Вблизи стало понятно, насколько огромна вся эта движущаяся конструкция. Не меньше семидесяти метров в длину и тридцати – в ширину, она возвышалась над просекой, как пятиэтажный дом. Тамара теперь отчетливо различала, что никакая это не вязанка. Вырванные с корнем деревья были не просто навалены – они сплелись чудовищным клубком, подчиненные непонятной, нечеловеческой гармонии.

Стволы располагались горизонтально, комлями вперед. Перепутанные обнаженные корни, заплетенные нарвальими рогами, грозно торчали вверх. Космы мха, паутина и пряди сухой травы висели на них, трепеща под порывами ветра. Залишаенная кора деревьев повсюду

была проткнута изогнутыми сучьями, бугрилась натеками капа, морщижилась угловатыми складками. Кое-где в трещины нанесло земли, и там зеленела чахлая сурепка. Несмотря на голые корни, деревья не казались мертвыми, наоборот, они будто бы продолжали жить, прорастая друг сквозь друга, выталкивая из стволов не молодые побеги, а толстые, корявые ветви, вплетающиеся в общий колдовской узор.

Листва шелестела лишь в задней части невозможного сооружения, где кроны деревьев образовали висящее в воздухе зеленое кубло. Меж листьев там шныряли какие-то зверьки, молчаливые и быстрые, точно мыши.

Разглядывая весь этот движущийся дендрарий, Тамара вдруг остро поняла, что с нею случилось нечто страшное. До того она как-то не задумывалась об этом, полагая, что в Можайске они с Мыррей попросту попали под ментоудар Коща, сильного чаровника, за которым, собственно, и шла охота, а странноватая действительность вокруг – всего лишь последствия этого ментоудара, искаженное восприятие реальности.

Теперь же, с появлением движущегося живого бурелома, стало ясно – произошла беда. Москва, управление, Чеканин, Джимморрисон, Карпухин, дом, мама, отец, брат – все это отодвинулось, стало очень далеким, ненастоящим, словно с момента начала операции на торжище прошла не пара часов, а много-много лет. Настоящим же было это вот ползущее мимо уродливое чудовище. Еще настоящими были лес за спиной, просека и пузырь с парусом в небе. Настоящими – и пугающими, потому что Тамара осознала: это не привычная действительность. Они с домовым находятся в каком-то другом мире, чужом и непонятном.

Похоже, Мыря думал о том же. Закатив глаза, он встал на колени и принялся щупать сросшийся древесный ком, проверяя его на наличие чар. Тамара, закусив губу, внимательно следила за своим спутником, и когда домовый выдохнул, раскрыв помутневшие глаза, нетерпеливо спросила:

– Ну, что там? Что?

– Худо, девка... – прохрипел Мыря. – Так худо, что и сказать тяжело. Небывальщина эта – вся на чарах. Могуч был тот, кто сотворил такое. И ветер в небе, и пузырь, и парус, а попереев них – сами деревья, что растут лежа да дружка сквозь дружку. И еще кровь...

– Кровь? – вздрогнула Тамара.

– Кровь, – подтвердил домовый. – Много крови пролилось в древесных недрах этой тележины. Убивали там личеней и незнатей, оружием убивали и чарами, а то и голыми руками.

– И они, те, кто убивал... там сидят? – со страхом глядя на удаляющееся зловещее сооружение, тихо проговорила девушка.

– Нет, только мертвяков чую. А мы с тобой – давай-ка догоним эту кибитку. Мыслю я – пехом не выбраться из здешней пуши.

– Ты хочешь сказать... – начала Тамара, но Мыря перебил ее:

– Идти можешь?

Потрогав ноющее колено, девушка кивнула.

– Тогда давай, ходу!

Выбравшись из зарослей, они побежали по просеке за гигантской «кибиткой». Догнать ее оказалось не сложно – сооружение двигалось со скоростью спокойно идущего человека.

– Лестницу видишь? – крикнул Мыря, семена сбоку от Тамары – у домового слетали с ног большеразмерные валенки.

– К-какую? Где? – запыхавшись, спросила она, всматриваясь в приближающийся колтун из стволов и ветвей. Спросила – и тут же увидела свисающую до земли веревочную лесенку, волочащуюся по траве.

– Хватайся и залазь! – распорядился Мыря.

– Как?! – завопила в ответ Тамара, до смерти напуганная даже не фактом того, что ей предстоит лезть на такую верхотуру по кажущимся такими непрочными веревочным ступеням, а тем – куда нужно лезть.

– Давай, девка, давай! – не слушая ее, надсаживался домовой. – Не влезем – к ночи на этой прогалине взвоем, помяни мое слово!

«Черт бородатый!» – разозлилась Тамара и, добежав, вцепилась во влажную, осклизлую веревку. Наступив сапожком на самую нижнюю ступеньку, она повисла в воздухе, раскачиваясь, как маятник.

– Да лезь же ты! – рявкнул за спиной Мыря.

И Тамара полезла. Ветер, крепчавший с каждым метром подъема, бил ее о выпирающие стволы, сор и труха летели в глаза, забиваясь под очки, веревка резала руки, подошвы соскальзывали. Тем не менее она поднималась все выше и выше, стараясь удерживать себя от желания посмотреть вниз – много ли уже пройдено?

Потоки воздуха трепали волосы, полоскали плащ, колоколом раздували юбку. «Надо было брюки надеть!» – подумала Тамара и тут же обругала себя: – Дурында! Знала б, где упасть, соломки б подстелила!» Слово «упасть» опалило мозг, руки сделались ватными, под ложечкой заглодело.

– Не останавливайся! – рычал снизу Мыря. Он тоже повис на лестнице, и лезть стало легче – под весом двух тел она перестала болтаться, веревки натянулись, как струны, басовито запели.

«Я смогу, смогу, смогу... – как заклинание, повторяла про себя Тамара. – Еще чуть-чуть. Когда-нибудь эта лестница кончится. Я смогу...».

Но самое трудное ждало ее впереди. Переброшенная через верхний ствол лестница глубоко врезалась в морщинистую кору, и девушке пришлось хвататься руками за ломкие ветки, покрытые коричневой пленкой влаги. Едва не сорвавшись, Тамара вцепилась в скользкий ствол. Ломая ногти, подтянувшись, перевалила показавшееся девушке невероятно тяжелым собственное тело через толстый сук и, ободрив грудь и живот о бугристую кору, рухнула на свитый из ветвей упругий пол – или палубу? – сухопутного корабля...

До Шибякиной слободки Бойша добрался, когда уже рассвело. Слободку эту, крохотную, скорее и не слободку, а укрепленный починок, когда-то давно, еще до рождения Бойшиного деда, срубил в низинке между двух клиньев Стражного леса неведомый человек, пришедший с полудня по Кривой плещи. Как звали его – так и осталось тайной. Возведя двухэтажный основательный дом, ригу, стайку и хлев для скотины, огородив свои владения могучим частоколом и расчистив с помощью огня изрядный кусок лесовины под пашню, хозяин слободки пару раз наведалься в соседние поселения, оставив по себе дурную память – был он угрюм, скуп на доброе слово, норовил выторговать скотину или семена для посева за бесценку и худо говорил о Всеблагом Отце. Поэтому когда нашли его вскорости придавленным еловым стволом, никто особо не горевал. «Шибануло мужика – и вся недолга», – сказал староста Корчагского посада, и прищельца под именем Шибяка схоронили у ошетилившейся почерневшими идолами-охранителями ограды погоста. Починок облюбовали охотники, праздная пашня заросла лебедой.

И быть бы этому месту пусту, но нашелся в Займищах человек, кузнец-скобарь Самарка. Ему и приглянулся одинокий дом середь лесов. Скобари, они, известное дело, обособиться любят, чтобы мастерство свое, чистым людям противное, без чужих глаз творить. Не зря говорят в народе: «От скобаря до технаря – шаг шагнуть». Семейство у Самарки большое было, восемь душ детей, жена да свояченица. Зазеленела пашня, в перестроенной под кузню риге зазвенели молоты. Вскоре расстраиваться, расти начал починок. Городьба поползла вширь, встали новые избы, клетки, сараи, дровяники. Уже только на Бойшиной памяти не меньше пятка свежесрубленных домов в Шибякиной слободе прибавилось. Но весь народ тамошний, и срод-

ственники почившего уже Самарки, и пришлый люд, все за ремесло держались, за железо да огонь. Оттого и с итерами дела имели, не то что чистуны из других слободок. Пару раз хотели люди сжечь гнездилище скверны, да нашлись разумники, отговорили: «Избы спалить да скобарей по миру пустить – дело нехитрое. А кто будет скобяной товар ладить? Гвозди, насады, ножи, косы, вилы, топоры ковать? Петли да запоры дверные ладить? Именем Всеблагого Отца дверь от татей не запрешь». Так и осталась Шибякина слободка бельмом на глазу у всей округи.

Бойша вынырнул из зарослей краснотала, весь облепленный узкими блеклыми листьями. Справа темной дружиной встал Стражный лес, налево вдаль уходила путеводная плешь. На ней, по счастью, не было видно ни одного коня. До осенних ярмарок еще три седмицы, сейчас самая страда, по всей Россейщине урожай убирают, тут не до поездок. «Оно и славно, – подумал Бойша, перебегая через травянистую гряду, отделявшую низинку от речной долины. – Лишних разговоров не будет».

Слободка открылась сразу вся – как на ладони. Несмотря на близость к реке и приглубое место, сырости здесь сроду не знали, напротив, дома стояли как на подбор – звонкие, сухие, даже в погребах плесени не водилось. «Видать, знал Шибяка, где строиться», – уже спокойно, лесным размашистым шагом спускаясь к слободке, размышлял Бойша.

С караульной вышки, торчавшей на взгорке, у дороги, его запоздало окликнул сторож, сухорукий дед Лышка.

– Свои, – отмахнулся Бойша. – С охоты я. Малость плутанул вот. Спи себе.

– Да я ни в жизнь! – тоненько и обиженно заблазил дед. – Кто меня видел, что я спал? Ты видел? Нет? Тогда язык свой дурной...

Усмехаясь, Бойша приблизился к городье, стукнул в калитку. Приврат, крепкий мужик по имени Хват, по прозвищу Пол Лица, отпирая, заворчал на Бойшу:

– Почто деда обижаешь? Старый он, а службу свою блюдет.

Итер глянул на приврата, которому еще в юности красный медведь из мертвоземья смахнул лапой всю левую сторону головы от носа до уха, задержался взглядом на узкой щелке ноздри, в которой трепетала от дыхания мутная слизь, вздохнул и ничего не сказал.

Шагая по единственной улочке просыпающейся слободки, Бойша в уме решал непростую задачу. Можно было – и сердце горячо толкалось в груди при этой мысли – сейчас же, нынешним же днем побежать на восход, в лабу к наруку. При хорошей погоде да целых ногах дойдет туда Бойша за две седмицы. Дойдет, отдаст тексты, скажет Стило Трошсын свое веское слово – и шабаш, не посмеет ничего возразить верховному итеру отец Талинки.

Разум же подсказывал Бойше, что торопиться все же не надо. Утекший из засады неznать наверняка всполошил чистуновских набольших по всему краю, а то и до князя весть донес об итере-убойце. Коли начнется охота да облава, Бойшу на путеводной плещи легче легкого возьмут. Отсидеться надо, спрятаться, выждать, покуда не успокоится округа, не забудется за другими делами история со смертью трех чистунов. Верил Бойша, что сыны Всеблагого Отца большого шума поднимать не будут, ибо те, кого он убил на Сухой тропе, тоже закон нарушили, итерские бумаги храня.

«Зайду к связчику, передам весть наруку – и в схрон за Белую воду уйду, – решил наконец Бойша. – Там до Солнцеворота отсижусь, а потом уж и на восход побегу. Со Званом Мехсыном уговор у нас был на две зимы, а они только к Новогодью истекут. И Атяма-незнатя проклятый срок тогда же закончится. Время есть. Лучше переждать. Талинке я живой нужен».

...Первый раз Бойша сватался к Талинке три года назад, когда юная красавица едва вошла в возраст, отметив четырнадцатую прожитую зиму, – и получил отказ. С горя подался он на Оку, в богатые торговые посады Залесья. Хотел наняться в караванное охранение и уйти подальше от родных мест. Но судьба извернулась ужом – в Каширском городище на постоялом дворе встретился Бойше знакомый куплец по имени Громадин, прозванный Заячье ухо. Было

у Громадина два коня и пятнадцать лавок по всему Залесскому княжеству. Бойшу куплец знал – итер как-то спас целый обоз его товара от ватаги лиходеев.

– Приказчик мне нужен для важного дела, – выставив четверть духмяной смородиновой браги, сообщил Бойше Громадин. – Везы с золотянкой в Нижний сопроводить. Путь не близкий. Плешей в тех краях нету, лошадьми идти надо. Возьмешься? Плачу товаром, харчом, монетами. Не обижу.

И Бойша взялся – себе на беду...

Весь день они осматривали удивительный и страшный корабль, ползущий по прямой, как стрела, просеке среди зачарованного леса. Страшный – потому что прав оказался не знать – были в трюме корабля люди, но люди мертвые. Ни Тамара, ни Мыря не знали, кто они и откуда, вот только смерть эти неведомые хозяева или пассажиры сухопутного судна приняли жуткую.

Первый труп обнаружился в носовой части корабля, в обширном помещении под верхней палубой. Но еще до того, как спуститься туда, домовый обратил внимание своей спутницы на пятна крови, темневшие на плотно сплетенных ветвях настила.

– Девка, ты оружия огнебойного, часом, с собой не брала?

Тамара развела руками. Да и какое оружие, если она ехала на операцию в качестве консультанта, эксперта, наблюдателя, а никак не участника задержания?

– Вот и я тоже, чурбак стоеросовый... – пробурчал Мыря и полез в круглую дыру лаза, к которой снизу была приставлена лестница, сработанная из целого елового ствола. Ступенями служили короткие толстые сучья, попарно оставленные через шаг. Лестница качалась и норвила крутануться, сбросить с себя Тамару. Ей пришлось потратить немало усилий, чтобы спуститься вниз.

Просторное помещение освещалось дневным светом через овальные дыры в стенах. Тамара заметила, что дыры эти расположены не абы как, а попарно, образованные одинаковыми извивами древесных стволов. Это окончательно убедило девушку, что чаровная повозка, пассажирами которой они стали, была сработана неизвестными умельцами, а не природной аномалией.

Мебель – вполне человеческий деревянный стол, пяток стульев, пара лавок, шкаф – валялась на полу, переломанная. Под ногами хрустели черепки, на глаза Тамаре попала деревянная ложка, кружка, медный кувшин с крышкой. В той части помещения, что примыкала к носу судна, имелось еще одно окно, большое, широкое. Там с потолка свисали какие-то веревки с привязанными к ним палками.

Вдруг Мыря зашипел и потянул из-за пазухи свой короткий и широкий костяной нож. В дальнем углу, у дверного проема, лежал лицом вниз мертвец. Сначала Тамара и не поняла, что это человек, продолжая бродить по разгромленной каюте, но домовый жестом остановил ее, на согнутых ногах подобрался к телу и потыкал его острием ножа. Убедившись, что человек мертв, Мыря умело перевернул труп на спину, и Тамара вскрикнула – у человека была разворочена грудь и из страшной раны торчали потемневшие от запекшейся крови ребра.

Принюхавшись, домовый скривился:

– Дня четыре как убоен. Подтухать начал.

Но самый страх начался потом, когда они спустились в чрево корабля. Трупы теперь попадались с пугающим постоянством. Они были везде – в коридорах, в тесных закутах и длинных темных помещениях, заваленных туго набитыми сырой шерстью мешками. В кормой части обнаружилось целое побоище – одиннадцать человек приняли здесь смерть, до последнего отбиваясь от неведомого врага. Ни один из мертвецов не умер легко – все тела были истерзаны, с разорванными шеями, с выпущенными кишками, проломленными головами...

От приторно-сладкого запаха разлагающейся плоти, от вида изувеченных людей Тамару вырвало. Домовой, с озабоченным видом обшаривавший трупы, оглянулся на девушку, покачал головой:

– Вот это ты, девка, зря. Жратвы у нас нет, и здесь, как я гляжу, ею нам не разжиться. Экономить надоть.

После слов Мыри Тамару снова скрутило судорогой. Выбравшись на верхнюю палубу и отдышавшись, она вытерла лицо и спросила у присоединившегося к ней домового:

– Что это за люди? Откуда? Кто их убил?

– Чего не знаю – того не знаю. – Мыря, хмуря кустистые брови, вынимал из мешка и раскладывал на плетеном полу вещи убитых. Тут были грубокованные ножи с деревянными и костяными ручками, ложки, кружки, цепочки с какими-то странными амулетами, самодельные зажигалки, иголки, пригоршня монет, клочки бумаги, шило, несколько катушек ниток, сильно исцарапанное увеличительное стекло и большой кусок смолы.

Подойдя к домовому, Тамара присела рядом, разглядывая находки. Они напоминали экспонаты раздела «История нашего города» из какого-нибудь провинциального краеведческого музея. Более всего девушку заинтересовали монеты. Но, осмотрев их, Тамара вынуждена была с разочарованием признать – это ничего не прибавило к их с Мырей знаниям об окружающей действительности. Медные, бронзовые, серебряные, очень сильно истертые и грязные, монеты представляли чуть ли не все страны мира. Были тут и евро, и рубли, и норвежские кроны, и британские фунты и пенсы, и турецкие лиры, и китайские юани, и иранские риалы, и украинские гривны и копинки, и даже австралийские доллары разных годов выпуска – от конца девятнадцатого века до начала века двадцать первого.

Отдельно лежало оружие – несколько широких кинжалов, топорик с выщербленным лезвием, тяжеленная медная булава на короткой рукояти и сабля со сломанным клинком.

Более при мертвецах обнаружить ничего не удалось – ни документов, ни каких-либо бумаг или других вещей, позволяющих опознать, какой национальности убитые и где сейчас находятся Мыря и Тамара.

Нехорошее предчувствие, поселившееся в душе девушки, словно бы нашептывало: «Не удалось – и хорошо. И ладно, и пускай. Иногда неведение лучше, чем знание. Не спеши, может, все как-то само собой образуется...»

Но Тамара уже понимала – нет, не образуется. Слишком много вопросов и практически нет ни одного ответа. Причем вопросы-то не глобальные, уровня «кто виноват?» и «что делать?», а самые примитивные, бытовые: отчего такого дикого покроя одежда у убитых на древесном корабле людей? Почему ткань грубая и прокрашена плохо, пятнами? Почему вместо нижнего белья какие-то грязные тряпки? Почему оружие только холодное?

Очень хотелось бы ответить – да и напрашивался такой ответ на все вопросы разом – мол, прошлое вокруг. Засосало Тамару и Мырю во временную дыру и выбросило где-то в семнадцатом или даже пятнадцатом веке. В эту версию очень хорошо укладывалось все, кроме монет и обломка DVD-диска, обнаруженного Тамарой в куче мусора. На кусочке пластмассы, с одной стороны сияющей металлическим напылением, а с другой выкрашенной в синий цвет, ясно читалась надпись: «© 202.. г. Все права защищены. Предназначен для просмотра в домашни...» Какая цифра стояла после единицы, мешала рассмотреть глубокая царапина, но, в сущности, это и не важно. Важно было другое: там, в нормальной жизни, из которой Тамару кто-то или что-то выдернуло, как морковку из грядки, никакого 202.. года еще не было.

Причем разменять третий десяток новый век готовился не так чтобы и скоро.

«Вполне может быть, что эти предметы – монеты, диск – тоже попали в прошлое, как и мы», – размышляла Тамара и тут же одернула себя – она занималась типичной «подгонкой под результат». С другой стороны, версии о параллельном мире или заповедной зоне в нормальной,

земной реальности тоже не выдерживали критики. Точнее, все эти варианты были одинаково бездоказательны.

– Нам надо добраться до живых людей, – сказала Тамара домовому, когда тот в очередной раз поднялся из чрева корабля.

– Так-то оно так, конечно, – согласился Мыря, – только опасаясь я...

– Чего?

– Где люди, там и чаровники отыщутся. А тут они сильные, куда сильнее наших. Ты вот не чуешь, а я аж дрожу от мощи, что вокруг разлита. Все тут в чарах. Будто бы я снова молодой и в то время вернулся, когда незнати силу имели, а личени свое место знали. Даже ветер, в парус дующий, – он чаровной. Тяга это, специальная, для повозки энтой. – Мыря хлопнул ладонью по стволу. – Вот так-то, девка...

Воспоминания об обозной службе у Громадина были у Бойши так живы, точно вчера все случилось. Стоит только закрыть глаза и...

– И-и-и-икс! И-и-и-икс! И-и-и-икс!

Бойша поморщился. Колесо телеги скрипело, как кладбищенская калитка на ветру, – нудно, зловеще, неотвязно.

Хваленый окский деготь, полный жбан которого кривой дворовщик Смыка буквально впихнул приказчику перед отправкой обоза из Кундалокмы, оказался разведенной постным маслом сажей. Слава богам, у бывалого возчика дядьки Архипа случился при себе запасец старой, хозяйской еще дегтешки. Ею и смазали оси, да дорога-то не близкая: восемь десятков верст в одну сторону лесными дорогами, столько же – в оборот. Вот и рвет душу тоскливый скрип. И-и-эх...

Поплотнее запахнув тулуп – сентябрь выдался в этом году холодный, знобкий, – Бойша про себя чертыхнулся и прикрыл глаза. Помянутый нечистый словно услышал мысли молодого итера – тут же подsunул ему видение: красавица Талинка, белозубо улыбаясь, павой плывет в свадебном танце с Покрасом Валсыном.

– Ах ты! – Бойша скрипнул зубами, потряс головой, отгоняя морок. Однако трясина – не трясина, все едино. Так оно и будет. Отдаст Зван Мехсын свою единственную дочку, ненаглядную Талюшенку, за сынка профа Шептала Валсына, отдаст бесприменно. Тут уж грех воронить – на выкуп Валсын дает тайный заводик в Сасово, да пристань с амбарами в Берестянке, да дом двухэтажный в Муромской лабе. Породниться с самим Шептало Валсыном – это дорогого стоит. От такого родства обоим профам большая польза выйдет, а итерскому делу – прибыток. Куда уж тут Бойёшке-Ветошке соваться, с его-то капиталами – вошь под мышкой да блоха в армячишке. И-и-эх...

– Равуха! Погоняй! На ход! На ход! – раздался с передней телеги голос старшего возчика Архипа Скворца.

Худоносый Рава, что правил последней подводой, откликнулся гнусоватым, простуженным голоском:

– Да нейдет, проклятая животино! Перегрузили, чать!

– А ты жопку-то с телеги скинь, сделай лошадке облегчение! – весело пробасил дядька Архип и добавил, уже серьезным голосом: – Вишь, в подъем дорога! Торопиться надоть, ежели до темна на Топтаниху не выйдем – в дороге ночевать придется, а места тут лихие!

Бойша обернулся, для порядку поглядел – слез ли Равуха. Оказалось – не только слез, но и тулуп с собой прихватил, и волок теперь тяжеленную овчину на горбу, понукая лошадь. И то право, дядька Архип слов на ветер не бросает. Раз сказал чего, возчики умрут, но выполнят и прекословить не станут. Знают – хоть и с одной рукой, а в случае чего спросит с них бывший княжий дружинник Архип Скворец строго.

Мысли вновь вернулись к Талинке. Не абы с дуру отказал Зван Мехсын Бойше. Видел седой проф, как заглядывается молодой итер на его дочь. Видел и то, что отвечала кровинушка долговязому (не иначе, жердѣй кроили!) парню томными улыбками да ласковыми взглядами. Видел-видел – да и решил оборвать все разом. С очей долой – из души вон. И-и-эх...

Не знал тогда Бойша, что куплец Заячье Ухо не кого попало, а именно его поджидал на постоялом дворе. Немалый куш отвалил Громадину Зван Точило, чтобы спровадить женишка подальше. Тут как раз дело подвернулось, заказное. В Нижний, на ярмарку, яблоки доставить из Кундалокмы. Покуда туда – неделя, покуда в оборот до Муромского посада – седмица. Да от Мурома по Оке до Нижнего, да там, на ярмарке, торговля. Раньше Покрова-дня Бойше обратно никак не воротиться. А там и свадьба с Покрасом подоспеет, не до жердя Талае Званне будет... И-и-эх...

Хитро все обставил старый проф, и себе не в убыток, и для дочери, дурищи малохольной, на пользу. Ну, на то он и равный среди первых в итерском сообществе Россейщины, самого нарука Стило Трошсына зам.

Вот и трясется Бойша с возчиками по ухабистой лесной дороге, слушает скрип колесный и мается болью сердечной. Эх, шапка оземь, что ж за жизнь такая, копеешная-то, а?..

Вот кабы надыбать где капиталу, монет тыщ хотя б пять! А лучше – двадцать, чтобы коня купить, «Самсона», что по Становой плеше бегаёт. Вот тогда б небось не воротил бы от него нос Зван Мехсын! Давно проф свою конюшню занять хочет, да Брань Смагсын, чистунский куплец из княжеских заемщиков, что коней по всей Россейщине гоняет, цену за «Самсона» заломил несусветную.

Бойша представил, как он, в синем набивном кафтане, в сапогах бутылками и при начищенном шлеме, является к профу и тихонько так, без позерства, говорит: «Я тут, Зван Мехсын, коняку прикупил, да. И имею желание дочерь вашу пригласить прокатиться, и вас с супругой, само собой. Рад буду, весьма...»

«От такого оборота дел, – улыбался Бойша, – вылезут глаза у Точила на самый лоб, клянись Великим Постулатом!»

Домечтать сладкость самую не дал дядька Архип – заматерился, защелкал кнутом.

– Что там? – недовольно крикнул Бойша, привставая на локте. Возчик, что правил телегой, где сидел приказчик, уже бежал обратно от первой подводки.

– Лисина дохлый на дороге валяется, Бойша Логсын! Ну, лошадь у дядьки Архипа и встала, уперлася.

– Чего ж он сдох-то? – нахмурился Бойша.

– Да хрен его знает, тварюгу. Можа, недужный был, а можа – сам собой, в очеред. Время, стало быть, пришло... Но знак недобрый, тесть мой, охотник, царствие ему, любил приговаривать: «Живой лис – к разору, а мертвый – к замору!»

– Тьфу ты! – Бойша откинул полу тулупа, спрыгнул на мягкую глину дороги. – И чего? К какому замору-то? К рыбьему?

– Почему к рыбьему? К смерти это...

– Это к чьей же смерти-то, а?! – Бойша навис над возчиком, сдвинув брови.

– Не, ну я не знаю... Попутамши, может, чегось... – Уловив наконец настроение приказчика, возчик замялся, и, чтобы скрыть робость, заорал на лошадь: – Н-но, пошла! Пошла, шкелетина! Сыть волчья, племя косоротое! Н-н-но!

Махнув рукой, Бойша широко зашагал вперед, обгоняя телеги, и вскоре поравнялся с первой подводкой. Архип Скворец вел свою лошадь в поводу, изредка понукая, но больше для порядка – дорога выровнялась, и телега катилась легко, без натуги.

– Слышь, дядька Архип, закат уже.

– Вижу, Бойша Логсын. Не беспокойсь, кривую сосну проехали, стало быть, ночевать на Топтанихе будем беспрерменно. Ну, можа, самую чуть темнины захватим.

– А что за место – Топтаниха?

– Да поляна в лесу, у тракта прямо. Там и ручей, и трава живая для лошадушек. И шалаши должны стоять, ежли какие дурни или лиходеи не порушили. Хорошее место. Спокойное. Утишное...

– Название чудное. На что похожа полянка та, а? Кто топтал-то ее?

– Э-э-э... – Архип засмеялся в прокуренную бороденку, зыркнул желтым лихим глазом. – Про ту Топтаниху сказка есть чудная. Коли антирес у тебя, расскажу...

Бойша пожал плечами, мол, не то чтобы такой уж «антирес», но в дороге любой забаве рад будешь, и кивнул:

– Валяй!

– Ну, стало быть, дело это шибко давнее, вскорости после пришествия Всеблагото Отца случилось... Не, ну ты не скалься, Бойша Логсын! Я верно говорю. Слово в слово, как старики муромские баяли, а они – народ неврущий, сам знашь...

Ну так вот: жил в ту пору в здешних лесах народец один. Навроде залесян вот нашенских, но тока другой чуть. По болотам все больше обитали они, по рекам. Рыбу ловили, раков, птицу били, зверя промышляли. Тем и жили. Звались оне бармами, чащобниками, значит. Под рукой тогдашнего князька Буртасина ходили, дань, оброк то ись, ему отдавали.

А Буртасин энтот, он на Оке-реке сидел и с проплывных людей торговых виру взымал. И такую виру, что было это куплецам нашим, россейщинским, чистое разорение. Пожаловались куплецы князькам залесским, те и давай Буртаску прижимать. Видит он – каюк его лесному царству приходит. Взял тогда свою казну (а казна та была немалая, много злата-серебра да монетов драгоценных скопил Буртасин), да и сплавил по Мокоши-реке к бармам. Те его, понятное дело, приняли со всей душой, народец-то простой был, незлобивый. Пива наварили, мяса, рыбы наготовили, костры зажгли – все, как полагается.

Напировался Буртасин с дружиной, нагулевался. А ночью людей своих поднял да всех бармов и вырезал, до последнего дитёнка. Посля погост у их деревеньки устроил, похоронил каждого честью, и в скудельню вместе с мертвецами казну уложил. Хитрый, вишь, был князь Буртаска. И богатство свое упрятал, и стражу верную к нему приставил. Сам знашь, Бойша Логсын, нету для клада вернее сторожа, чем покойник.

Рассудил Буртаска по-хозяйски: вот придут к нему залесские князьки, спросят: «Где казна?» – он и скажет: «А нету! А коли хотите – ищите!»

Не знал Буртасин, что один чащобник живым уцелел. Дед это был старый, Атямом звался. «Атям» на языке бармовском – просто «старик» будет. Дед не простой, а навроде чаровника-колдуна. Когда князь со своей дружиной к бармам нагрянул, ходил дед Атям на кереметь, в священное урочище, идолам бармовским поклониться перед смертью. Старый он был, вот и хотел попросить у громовника-Мельзедея доброй доли для людей чащобных. И вот ведь как бывает: пока ходил – доля смертная им досталась...

Возчик замолчал. Скрипели колеса, чавкала глина, посвистывали в рябиннике синицы. Пахло грибами, прелым листом.

– Ну, а дальше чего? – не выдержал Бойша.

– Вернулся Атям – пуста деревня, а рядом большой погост. Могилы свежие – и нету никого. Заплакал тогда старик слезами горючими, потекли те слезы наземь, проели песок и глину, и увидал дед Атям, что все бармы в домовинах лежат побиты, а с ними – Буртаскино золото.

Сильно осерчал тогда колдун. Проклял он и князя Буртасина, и всю дружину его, страшным проклятьем проклял. От того проклятия заблудился в этот же день князь на болоте и вместе со всей дружиной в топях бездонных сгинул. Но не дал им покоя дед Атям и после смерти. Каждую ночь змеи и гады всякие приползают к Буртасину и всем, кто бармов казнил, и гложут их тела, сосут кровя из них, грызут кости. Страшно мучаются тогда мертвецы, криком

кричат диким, не человеческими голосами стонут, и горе душе христианской, ежели она голоса эти услышит. А как взойдет солнышко – уползают гады, и мясо на костях Буртасова войска заново нарастает, до следующей ночи, стало быть...

– Экую ты жуть говоришь, дядька Архип, да еще на ночь глядя! – поежился Бойша. – Ну, а полянка-то при чем тут?

– А-а-а-а! Вот как раз и до полянки дошли. В те времена стародавние аккурат с этой полянки на полуночь тропинка уходила, что к деревеньке бармовской вела. Как проклял Атям Буртасина и дружину его, наложил он заклятье и на казну княжескую. Мол, кто ее искать будет – непременно кружить по лесу станет и всегда к одному месту возвращаться. Зачем заклятье такое – понятно. Не хотел, вишь, дед Атям, чтобы кости сродственников его да земляков, что по-княжески, в золоте все лежат, тревожили.

Вот и наколдовал он так, а потом сам пошел на тот погост и тоже в землю родную лег, со всеми, значит, рядышком...

– А далеко ль до того погоста от Топтанихи-то этой?

– Врать не буду, но люди сказывали, будто недалеко, верст пять всего. Да кто ж их мерил-то, версты эти... И потом: говорят, коли к закату уклониться – так в самый раз на гиблые трясины, на Буртасово болото, где проклятый князь с дружиной мается, попадешь, а ежели на восход двинешь – в чащобе загинуть можно...

– Это откуда ж ты так все обстоятельно знаешь? – удивился Бойша.

– Дык поначалу-то немало охотников до Буртасова золота нашлось. Бродили они по лесам, по болотам. Кто ума лишился, крики мертвецкие услышав, а все больше кружили люди. Кружили – да к тракту и выходили. Так целую полянку и натоптали. Вот потому Топтанихой она и зовется.

– У-у-у... – протянул Бойша, – и такое чертово место ты утишьем называешь? Да я там глаз не сомкну и тебе не дам!

– Заря беспокоишься, Бойша Логсын! В здешних местах про Топтаниху и Буртасово золото такая дурная слава ходит – что ты! Да ни один лиходей-душегубец, ни один тать полуночный или гулеван там какой и на тридцать три версты близко к Топтанихе не подлезет, не сумлевайся!

– Да тати-то – ладно, а мы-то? Нас-то как закружит, завертит... Останемся без товару, а то и... Мертвецы опять же...

– Дык мы-то люди честные, торговые! Нам чужого не надобно, в лес мы не пойдем, на краешке поночуем себе – и дальше двинем. Проверенное место, Бойша Логсын! Говорю тебе чстью! И сам ночевал там не единожды, и отец мой, и дед его. На тех, кому золото без надобности, чародейство Атямово силы не имеет.

– Ну добро, коли так! – присудил Бойша, хлопнул возчика по плечу и отстал, дожидаясь своей телеги, – свечерело, и без тулупа стало зябко.

Солнце, пока Бойша слушал дядьку Архипа, закатилось за зубчатую лесную ограду, но все еще освещало редкие облака, румяня их мохнатые брюшины. Однако меж стволов столетних елей уже за клубился ночной мрак, а оглянувшись, Бойша заметил, как в оставленную обозом глубокую лощину потек из-под разлапистых ветвей седой жутковатый туман.

После рассказа возчика одолели Бойшу мысли. И самая верткая, самая шустрая, самая манкая из них была – про Буртасовы сокровища: «Вот же, вот, в двух шагах, почитай, лежит твое счастье, Бойёшка! И конь «Самсон», и Талинка, и собственный домик при лабе, и дело свое, и жизнь новая, веселая да светлая...»

Гнал эту мысль Бойша от себя, изо всех сил гнал. Да только тот страх, что обуял приказчика, когда слушал он про проклятие старого чащобника, куда-то сгинул, а осталась лишь белозубая улыбка Талинки, Талушки, да щечки ее румяные, да брови соболю, да стан точеный... Ии-эх!

– Ну слав-те-Всеблагод! – донесся тут от головы обоза бас Скворца. – Вот и Топтаниха! Эй, чистоверные! Поднаддай! На ход! На ход!

Пока распрягли коней, составив телеги в рядок, пока запалили кострило, пока возчики обихаживали лошадей – обтирали сеном, задавали овса, поили, треножили и пускали подпастись на полянку – совсем стемнело.

– А вот прошу к нашему кулешу! – дурашливо закричал очерёдный кашевар Ефка Баборыкасын, звеня черпаком по закопченному, дымящемуся тагану.

Возчики чинно расселись вокруг костра на подстеленных потниках, по очереди вставляли за кулешом и ломтем хлеба, что нарезал сгибками дядька Архип. Бойша невольно засмотрелся, как старшой возчиков умудрялся непостижимо ловко орудовать одной рукой, удерживая при этом и каравай, и нож-косарь.

Ели в благоговейной тиши, лишь фыркали поодаль лошади, потрескивали сучья в костре да перекликались где-то в темной лесной вышине ночные неведомые птицы.

После трапезы, сложив глиняные миски стопкой и обтерев ложки, обозники расположились на отдых. Курцы сворачивали сигарки, дядька Архип попыхивал трубочкой-носогрейкой. В лесу заухла неясность, попискивали в траве мыши, где-то далеко, напугав лошадей, заголосил зубач.

Кто-то из молодых попросил старшого поведать, где и как тот распрощался со своей рукой. Скворец поломался для виду и завел рассказ про Белогородское сидение.

– Лезли степнячки с болотянами на нас, братцы, дуром просто. Их самострелы на пятьсот шагов бьют, а наши – на три сотни саженой, и только. Да и чаровники болотянские – не чета нашим. Много народа чистоверного в том Белогороде сгибло. Сам воеводский голова Сазан Дергасын! Ну-у-у, человек был! Умище! Силища! Ан и его безносая не обошла.

Ну, и меня сплеткой боевой садануло так, что руки-ноги потом в лечебне собирали-собирали, да вишь, не все собрали...

– Больно было, дядька Архип? – с дрожью в голосе спросил возчик Гавря, подавшись вперед, в круг кострового света.

– Дура... – беззлобно усмехнулся Скворец. – Больно – это когда лошадь на ногу наступит. А на войне, за Россейщину да Всеблагото Отца страдая, воин любую муку примет, лишь бы ворога одолеть. Так-то...

– Старшой, а сказывали в Нижнем на пристани, что ты с войны с двумя руками пришел, – влез в разговор вернувшийся от ручья Ефим Боборыка. – А вскорости пошел на куний промысел с Еремкой Вдовкасыном, вот в энти самые места вроде. Тут, босяки пристанные гутарили, тебя на тракте и нашли, чуть живого. Был ты весь пораненный, подранный, а руку твою словно свиньи жевали. Знахарь в Выксе тебе руку-то и оттыпал, чтобы, значит, нутрянной огонь тебя не пожег. Ты в бреду все Еремку звал, винился перед ним, да сгинул Еремка, без следа сгинул. Не так разве?

– Ты сарынь всякую, что вроде собаки базлает, слушай-слушай, да не заслушивайся, – спокойно ответил дядька Архип, выпустив сизое дымное колечко. Однако от Бойши не укрылось, что Скворец нахмурился и глаза его заблестели, как у припадочного, – зло и дико.

Поговорили еще немного, кто о чем. Бойша достал звонник, спел любимую, обозную:

Закрыли путь через лес
Семьдесят лет назад.
Он дождем был размыт и бурей разбит,
И ничей не заметит взгляд,
Что дорога шла через лес.
Там, где нынче шумит листва,
А приземный слой – лишь вереск сухой,

Да пятнами сон-трава,
Лишь сторож помнит едва —
Где барсук проскакал да исчез,
Где горлица яйца снесла,
Когда-то был путь через лес.
Но если тыходишь в лес
Летним вечером, в час,
Когда холод идет от стоячих вод
И выдры, не чуя нас,
Пересвистываются через лес,
В подступающей полутьме
Вдруг зазвучит перезвон копыт,
И шелест юбок, и смех,
Будто кто-то спешит
Мимо пустынных мест,
Твердо держа в уме
Забывший путь через лес.
Но нет пути через лес.¹

Возчики помоложе затеяли было чикой баловаться, но дядька Архип хлопнул в ладоши и сердитым голосом крикнул:

– Все, чистовверные! Утро вечера завсегда светлее. Ночевать будем.

Наскоро отмолившись, возчики полезли в шалаши, укрываясь тулупами. В костер сунули бревнину-долгушу, кинули жребий – кому до подзари сторожить, а кому – после, и вскоре все замерло на лесной полянке. Притухший костер давал мало света, и Бойше, проверявшему, хорошо ли засупонены возы с товаром, показалось, что лес сам собой надвинулся со всех сторон, стеной встал у подвод, поглотив и лошадей, и возчиков.

«Ишь ты, страх-то как разбирает! Ну и дикие ж места», – подумал он, возвращаясь к костру. Все уже спали, лишь горбился в сторонке Луха Борода, жребный сторож.

«С этим можно спокойно ночевать, не продаст, серьезный мужик», – успокоил сам себя Бойша, укладываясь на стеганный потник у костра. Лезть в душный шалаш не хотелось – блохи одолеют.

Он был уверен, что после тяжелого дня сон придет сразу, но ошибся. Думы толклись в голове, как комары над лампой. «Пять верст. Всего пять верст! Ежели сейчас тишком уползти да быстро побежать... К утру обернуться очень даже спокойно можно. Эх-ма, кабы дорогу еще знать. Скворец говорил – на полночь надо идти. А как тут, ночью, в чащобе, разберешь, где полночь, а где полдень? В лабах у профов специальные штуковины есть, чтобы знать, куда идти. Со стрелками бегучими. Да-а...»

Бойша заворочался, привстал на локте – пить захотелось. Пошарив взглядом в поисках баклажки с водой, он вздрогнул – лежащий поодаль, шагах в пяти, дядька Архип смотрел на приказчика, поблескивая в сумраке волчьими глазами, и кривил губы в понимающей ухмылке.

– Не умаялся за день-то, Бойша Логсын? Сон не идет?

Облизнув враз пересохшие губы, приказчик вытолкнул из себя неожиданный вопрос:

– А ведь ежели б ты на войне руку-то потерял, дядька Архип, тебя б в княжеву калечную команду определили?

– Верно! – Скворец сел, откинув овчину, поманил Бойшу и сказал громко, чтобы Луха услышал: – Пойдем-ка, Бойша Логсын, лошадей проведаем. Чтой-то больно тихо стоять...

¹ Стихи Редьярда Киплинга, пер. В. Шубинского.

Они отошли к краю поляны. Шуршали в траве мыши, шумел в верхушках вековых деревьев ночной ветер. Пофыркивая, стригли жухлую сентябрьскую траву кони, изредка переступая стреноженными ногами.

– Ну что, надумал, стало быть, Буртасово золотишко пытаться? – сразу взял быка за рога Скворец.

Бойша переминался с ноги на ногу, молчал.

– Прав ты, – не дождавшись ответа, кивнул возчик. – С руками я домой возвернулся с войны, целый весь. И ходил я сюда, за удачей и богатством ходил. С Еремкой вместях цельную седмицу блуждали мы, покуда на погост тот заветный не вышли. Свезло нам, одолели мы Атямово чародейство. Еремка-то от матери-старухи слово верное прознал, с тем словом и шли. Да вот незадача – когда уж и до золота дорылись, вышла на нас матка с медвежонками. Сам знаешь – смертушка это верная. Матка любого порвет, заломает, будь то зверь иль раб Всеблагого...

– Как же ты ушел? – удивился Бойша.

– Еремка, царствие ему небесное, подмог. Стрелил он в нее из самострела, попал в горбину. Матка до него долезла – и ну ломать. Тут я ее топором по башке и перетянул. Но живучей оказалась зверюга, на вымахе лапой меня зацепила, словно вилами проткнула. Руку изкурчила и бочину... Три дня я к тракту полз, юшкой землю лесную пятнал. Думал – все, сгину. Ан вишь, Всеблагой Отец вытянул, отогнал смертушку. Так-то!

Бойша положил руку на теплый лошадиный бок, поглядел на высыпавшие в разрывы между серыми облаками звезды, спросил негромко:

– Чего ж посла не вертался? Али деньги не нужны стали?

– Недужил я долго, – хмуро ответил Скворец, одной рукой привычно набил свою трубочку, ширкнул кресалом, втянул ароматный дым и глухо добавил: – Два годочка, почитай, у Еремкиной старухи на полатях в жару горел. А когда сдюжил, к жизни воротился, сказала она мне: «Покуда жива я, не моги на те места проклятушие ходить! Не будет тебе удачи. Когда ж помру, то пойдешь, кости Еремеевы разыщешь первым делом и похоронишь по чистунскому обычаю. А коли по-иному сделаешь – пропадешь...»

– Так что? Жива ль старуха? – уже угадывая ответ, все же спросил Бойша.

– Преставилась... – Скворец перекрестился. – В августе месяце в одночасье Всеблагому душу отдала.

– Стало быть...

– Стало быть, можно идтить. Ну, Бойша Логсын, решай. Мне с одной грабкой никак с энтим делом не совладать. Товарищ нужон...

И все. Тихо стало – как в подполе. Не шуршат мыши, не фыркают кони. Даже ветер успокоился, запутавшись в ветвях.

«Вот она – судьба, – понял Бойша. – Шаг шагнуть – и будет. Все будет!»

– Как Луху обманем? – слотнув тягучую слюну, спросил он вместо прямого ответа.

– На это есть у меня саван-трава. Мы с тобой, Бойша Логсын, морды холстинами мокрыми обвяжем, да я и кину в костерок шепотку. До утра все спать будут, словно дитятки у мамки в люльке.

На том и порешили. Вскоре, прихватив лопату, два топора и пару мешков из крепкой рогожи, двинулись кладопытцы по заросшей частым осинником прогалине прочь от погруженных в зачарованный сон возчиков...

...По ночному лесу идти – страх терпеть великий. Понял это Бойша давно и заучил накрепко. Пока лезли они трескучим осинником, еще ничего было. И глаз к темноте привык, и нога ступала уверенно, ходко. Но вот кончились серебряные заросли, и Архип, шедший первым, махнул единственной своей рукой – стой, мол.

Перед кладопытцами открылась неширокая прогалина. Уполовиненное волчье солнышко выплыло из-за резной кромки леса и осветило корявые, словно смертной мукой изломанные, деревья, что росли там и сям на голой земле.

– Ворная пустошь это. По сторонам не гляди, Бойша Логсын, за мной ступай, и быстро, быстро! – вполголоса распорядился возчик и стелющимся, охотничьим шагом двинулся вперед.

В мертвенном свете луны все вокруг – деревья, кусты, заросли иван-чая – приобрело вдруг странный, пугающий облик. Чудились Бойше злобные лешие, что тянули к нему свои лапы, виделись дикие звери и гады ползучие, готовящиеся напасть на путников.

Заухал на кривом суку раскидистого дуба филин, сорвался с места и, мягко маша пушистыми крыльями – ш-шух! ш-шух! – пронесся над головами путников, едва не задев Бойшевой шапки.

От неожиданности приказчик присел, вскинул руку для осторожного знаменья, но тут же зашипел на него ужом Архип:

– Не с-смей! Все дело сгубиш-шь! Поспешай, Бойша Логсын, скоро уже...

Волчье солнышко убралось за восходный окоем. Надвинулась тьма. Ворная пустошь кончилась, и ветви столетних елей сомкнулись над людьми. Тут лес и показал свой норов.

Загукали, заверещали на разные голоса неведомые твари, заскрипели стволы деревьев, зашевелился мох над узловатыми корнями. Враз припомнились Бойше сказки бабки Тряпихи. Когда он еще мальцом был, собирала бабка ребятишек со всей лабы к себе в избу, сажала на лавку и рассказывала жуткие побасенки про упырей, вурдалаков, колдунов, оборотней и иную неznать. Сказки ее страшные непременно оканчивались смертью парня или девки, которые с неznатской силой тягаться вздумали. У Бойши зашло сердце – а ведь не врала бабка, ей-ей, не врала...

«Я ведь и впрямь точно в сказку попал! – со страхом думал Бойша. – Пропадет моя буйная головушка, как есть пропадет, а все через Вас, Талина Званна! Все – через Вас...»

Впрочем, возчик, по-прежнему шагавший впереди, на проделки нечистой силы, казалось, и внимания не обращал, знай помахивал легким сучкорубным топориком, ссекая мешавшие идти ветки.

Наступал самый глухой, черный ночной час. На далеком болоте (уж не том ли самом, где Бургасову рать гады гложут?) протяжно дунула выпь, и тут же, вогнав Бойшу в холодный пот, ответил птичьему гласу человеческий стон, полный муки и страдания.

«Все! Пропали! Счас разума лишимся!» – мелькнуло у Бойши в голове, и он обеими руками вцепился в кожу Архипа.

– Тихо-тихо, паря... Тихо... – скороговоркой, будто лошадь, утишил его возчик, достал из-за пазухи клочок бумаги, не спеша обернулся: – Посвети-ка, Бойша Логсын! Пришло время слово заветное читать... – В мятушемся свете огневицы звучным голосом прочел возчик три непонятных слова: – Нагар-ысь! Змар-ысь! Евтарп-ысь!

И едва замолчал он – зашумел, завыл ветер, заскрипели ели, соря хвоей, сизый туман поплыл отовсюду, окружая путников. Вот туман по колено, вот по пояс, вот по грудь уже...

– Ну, почитай, пришли! – выдохнул дрогнувшим голосом Архип и, спрятав бумажку с колдовским наговором, ступил меж двух неохватных елин, растущих из одного корня. Бойша поспешил за ним – и охнул, увидев, где очутился.

Перед ними расстилалась большая, с версту на полторы, поляна, по краю окруженная лесной стеной. На закатном, гибельном краю ее угадывался голый торфяник – озерца воды, кочки, тоненькие стволики иссохших на корню елочек.

У болота, сквозь чудные сумерки, что ночь собой заменили, виднелись остатки деревни – просевшие избы, пьяно шатнувшиеся в разные стороны плетни и прилегший на бугре частокол.

– К-р-р-а-в! К-р-р-а-в! – прокартавил с сухой березы ворон, птица злая. Бойше почудилось, будто крикнул он: «К-р-р-ови! К-р-р-ови!»

У подножия березы и начинался погост бармов – холмики глинистой земли, оплывшие за века, и у каждого – тонюсенькая ольшинка на ветру ветвями машет.

Чуть поодаль – с десятков холмиком побольше, наподобие горочек небольших. Поглядел на них Бойша – и кольнуло его в самое сердце. Вроде знак какой, а к добру ли, к худу – кто знает?

Архип, уверенно отмахивая рукой, пошел прямо к крайней могиле, вокруг которой непонятно зачем кто-то неведомый тонких колышков набил – вроде забора.

«Эван! – подивился Бойша. – На кой ляд забор-то такой? От ежей, что ли?» И еще подумал: «Вот она, значит, какая, деревня бармов. Не обманул возчик, вывел. И слово сказал, от беды уберег. Ну, теперь только бы до богатства добраться да ноги унести...»

Приятное виденье опять посетило приказчика: бежит по путеводной плешу конь «Самсон», пыхает огнем в летучем пузыре смердуний дух, туго выгибается подвесной парус, а на передке в белой мерлушковой шапке стоит Бойша под ручку с молодой женой и в трубу зрительную глядит...

Спохватившись, подвысил Бойша мешок, из которого черен лопаты торчал, и побегал следом за Скворцом. А тот уже у чудного заборчика остановился, нагнулся и – невиданное дело! – почтительно, шапку сняв, постучал в крохотную, не больше печной заслонки, дверцу.

«Это он к кому ж?» – не понял Бойша, но вдруг ударила с темных небес синяя молния, затрещал воздух, дохнуло холодом, земля зашаталась, и вырос из могилы человек. Голый, худой. Глянул на него Бойша – и дышать забыл. Обмер. Понял – все, пропал...

Росту в том человеке было две сажени без малого. Кожа желтая, сухая, вся струпьями. Кое-где на голове, босой, словно колено, полопалась кожа, и кость белая в те прорехи торчит. Жутко...

Еще разглядел Бойша: висит у человека до земли мочалом седая борода, ноги мосластые, на руках ногти в трубочки, как береста, завернулись. Старик, древний, разве что мхом не порос. Но глядит – будто насквозь глазами-угольями прожигает! Чаровник чащобный, сам Атям, не иначе! А ведь и не чаровник он вовсе. Незнать! От такого не спастись, не вырваться...

– Вот, дедушка... – кланяясь, зачастил Архип. – Слово мое крепкое. Обещал я откуп – принимай! Возвертай руку мою и обещанное золотишко не позабудь...

– Пришел. Привел. Вижу, – сказал дед, и почудилось Бойше, что в голосе его скрип веток древесных слышен. Шагнул старик вперед, у заборчика своего остановился. Ветер шевелил его бороду, разбойничьим высвистом пел в ветвях сухой березы.

– Держи свою руку! – каркнул колдун, и увидел Бойша, как летит по воздуху челоуэчья рука. Подлетела она к Архипу – и враз приросла на пустом месте. – А вот и золото твое! – захохотал Атям, и тотчас полезли из могил своих мертвецы-бармы. Какие в одежке ветхой, какие – и вовсе без ничего, голые черные кости. И каждый нес Архипу меру с сокровищами, вываливая их у ног соляным столбом замершего возчика.

Деньги золотые и серебряные, жемчуга, чаши, каменя на подвесах – все наземь летело, и вскоре уже по колено в богатстве сказочном стоял Архип Скворец. А бармы все шли и шли, все несли и несли Буртасову казну.

– Постой, старик! – закричал Архип, силясь вырвать ноги из сверкающей груди. – Не снести мне за раз столько! Пощади! Довольно! Пощади!

Но незнать лишь смеялся в ответ, скаля длинные желтые зубы. Выл ветер, неслись по черному небу рваные белесые тучи, звенело мертвое золото, погребая под собой возчика.

Вот уже по микитки он в сокровищах. Вот уже по шею. А вот и скрылась под сверкающей грудой Буртасовых богатств плешивая голова Архипа Скворца.

– Поша-ади-и-и-ы! – простонал в последний раз возчик и затих. Некоторое время шевелилась еще блистающая гора, потом скатился с нее под ноги Бойше зеленый камешек-смарагд, что еще изумрудом зовется. Большой, с яйцо курячье, вспыхнул звездным лучом на прощание и канул в мутной лужице.

И в тот же миг исчезли мертвецы, а золотая гряда глиняным холмиком обернулась, осела, набок скособочилась. И понял тут Бойша, откуда и другие такие же горюшки взялись. Понял – и совсем с надеждой распрощался...

Тут как раз и тишина наступила. Ветер улегся, тучи расползлись. Вызвездило. Посмотрел Бойша на старого незнатя и заплакал. Взмолился из последних сил, на колени пав:

– Отпусти, дедушка! Не за корыстью ведь шел я к тебе... Отпусти...

– Отпустить? – вроде призадумался старик Атям, а потом руки к Бойше протянул – и принялись они расти, и росли до той поры, пока не достали до приказчика и в рубаху на груди не вцепились. – А что за себя дашь? – проскрипел неznать.

Совсем плохо стало Бойше. От страха круги перед глазами загуляли.

– Да что дать-то я могу? Нет у меня ничего. Добро – хозяйское, одежонка – плохенькая, палат не нажил, даже семьи у меня нет...

– Самое дорогое давай! – закричал старик.

– Да окромя жизни нет у меня ничего... – прошептал итер, а в голове словно колоколец серебряный зазвенел: «Талинка! Талинка! Прощай, душа моя, не свидеться нам боле...»

– Талинка... – вымолвил неznать, словно пробуя слово на зуб, и заледенел Бойша, руки-ноги отнялись. – Талинка... Талинка... – все повторял Атям, а глаза его жгли Бойшу, в самую душу заглядывали. Наконец проскрипел старик: – Вижу – не врешь. Самое дорогое она для тебя! Давай ее...

– Да не могу ж я ее дать! – зарыдал Бойша, в холодные стариковы руки вцепился. – Не моя она! Отцова дочь, и чужому обещана-отдана!

Неznать задумался, головой закрутил, пробормотал, вроде тихо, но Бойша услышал:

– Как так? Умом, что ли, тронулся? Самое дорогое – а не его...

Долго думал дед Атям. Бойша уже и ждать устал. Безразлично ему все вдруг сделалось, спать захотелось. Скорей бы уже кончал его хозяин древнего погоста...

– Каждый человек владеет чем-то, каждый что-то дать может! – закричал вдруг неznать, ногой топнул: – Думай! Сроку тебе – пока звезда Керемет не погаснет на небе. Если не придумаешь – тебя возьму, кровь выпью, жилы вытяну, мясо съем, кости сгрызу, остальное волкам брошу. Думай!

Покосился Бойша на звезду, что старик назвал, – горит на восходе, у самого окоема, красный огонек, переливается. А ночь-то уже к исходу! Скоро, скоро солнышко начнет путь свой, и лучи его затмят звезду Керемет...

Начал Бойша думать. По-любому выходило – сам он на растерзание неznатю отдаваться должен.

– Дедушка! – позвал тихонько старика Бойша. – А тебе-то вот самому чего надобно? Может, я службу какую отслужу?

Противно, тоненько захихикал Атям, руками так грудь приказчику сдвигал, что кости затрещали.

– Все вы про одно толкуете! Ничего отдавать не хотите, а всё отслужить стараетесь! Вот и глиняшка этот взялся привести ко мне за себя другого, а чтобы не позабыл он про свое обещание, руку я у него отнял, сказал, что ворочу, когда придет он, и награду щедрую посулил. Когда б не жадность его – живым бы отсюда ушел. Ну, готов ли так же отслужить? Приведешь другого?

Сперва обрадовался Бойша, хотел крикнуть: «Да, готов! Приведу!», а потом понял – никогда он не сможет так, как Скворец, созлодейничать. Небылицы плести, головы дурить,

жизнь свою выкупая. Да как жить-то после этого? И тут же встала перед глазами Талинка... Получалось: не согласишься он на условие незнатя – всему конец.

– Да... – упавшим голосом сказал Бойша, но тут же вновь голову вскинул: – А может, диковину тебе какую? Или зверя? Птицу? Еду? Питье?

Снова захихикал старик:

– Как есть умом ты подвинулся, парень! Погляди на меня – я три сотни лет без малого в этой глуши живу, один, какая диковина мне надобна теперь, а? Думай! Восход близко, погаснет звезда – и ты погаснешь...

«Три сотни лет! – повторил про себя Бойша. – Один! Ни разговором себя потешить, ни словом обмолвиться... Авось не обидит незнатя выкупника, не убьет».

– Звезда гаснет! Торопись! – каркнул Атям.

И, набравшись храбрости, сказал Бойша то, что самим дедом Атямом было ему подсказано:

– А не хочешь ли, дедушка, чтобы я какую иную девицу тебе доставил? Ну, убьешь ты меня, загубишь душу зазря. А так и я жив останусь, и тебе польза большая. Помогать тебе будет она, разговорами тешить. Ведь, поди, скучно тебе? Тоскливо? А?

– Не иначе сам Чампаз твой рот открывал, твой язык двигал! – радостно хохоча, завопил старик. – Так пусть же так и будет! А чтоб не забыл ты, метку на душе твоей я оставлю и сроку дам – три зимы. И покуда службу не выслужишь – не бывать твоей свадьбе.

Колдун разжал руки и... провалился в могилу, будто и не было его!

Задрожал Бойша крупной дрожью, на бок упал, руками по земле, по глине мокрой заскреб, задыхался часто-часто – и вдруг, как был на четвереньках, сиганул по поляне прочь. Только у леса на ноги поднялся и тут уж побежал так, как никогда еще не бегал.

...К рассвету проснулись возчики, утреню затеяли. Сторожа Луху обсмеяли – проспал караульный всю ночь, даже смену не разбудил. Когда каша уже поспевать стала, хватились приказчика да старшого. До полудня ждали, по лесу ходили, аукали, потом в дорогу засобирались – обозное дело промедлений не любит.

Версты три от Топтанихи отъехали, глядь – лежит на дороге человек. Сам весь ободраный, грязный, ветками расцарапанный, сучьями побитый. Подняли его, рассмотрели, лицо оттерли – и ахнули! Приказчик молодой, Бойша Логсын! Живой!

Молодой-то молодой, да только сморщенный весь, точно старик...

Молчит, щекой дергает, а в руке, в горсти, вместе с рыжей глиной камень зажат самоцветный, зеленый, с курячье яйцо...

– Смарагд это! – сказал тогда Ефка Баборыкасын. – Такая безделка тыщ семь стоит, Всеблагой Отец свидетель – не вру!

...Зря призывал Ефка Всеблагого Отца в свидетели – правда далеко от его слов оказалась. На ярмарке в Нижнем Новгороде камень оценили в двадцать три тысячи сто сорок монет. Сгорбленный Бойша, еще не отошедший от свидания с незнатем и мертвой землей, щедро одарил возчиков и нанял для них на целый день лучший кабак городища – гуляй, рванина!

– Бойша Логсын, а вы с нами? – чуть не плакал Гавря, провожая приказчика к коновязи.

Одетый в щегольской красный кафтан закамненского сукна, Бойша только подергивал щекой, поглядывая на времясчет у выезда с коновязи. До отхода коня к Муромскому посаду оставалось три минуты.

– Меня невеста ждет... – с трудом, ломая губы, вымолвил он и уцепился за нижнюю связку лестницы. – Не поминайте лихом, мужики...

Все время пути, пока конь, зовущийся «Байстрюком», нес его навстречу Талинке, Бойша лежал пластом, травя нутро снадобьями от невидимой смерти, что живет в мертвых землях. Был момент, думал, все, конец, не выдюжит. Но – пронесло, хвала Великому Постулату.

Талинка, увидев скрюченного, опустелого глазами Бойшу, заплакала. Зван Мехсын только глянул – и отвернулся. Но деньги, выложенные Бойшей перед отцом Талинки, перевесили все. Покрасу было отказано, другим женихам, коих набралось уже под десяток, – тоже. Бойша жил дорогим гостем в лабе Мехсынов; он отъелся, отоспался, шея выпрямилась, морщины разгладились, и Талинка рядом с ним сияла, как рассветное солнышко.

Все ждали благословения от нарука Стило, к которому Зван Мехсын послал своего человека. Ответ пришел быстро, и десяти дней не прошло. Запретил всесильный нарук Бойше жениться на Талинке до тех пор, покуда не только деньгами, но и делом не докажет молодой итер свое право родниться с Мехсынами. И понял Бойша силу чар незнатя Атяма.

Талинка – в слезы, Покрас тут же под окнами нарисовался, одет франтом, глядит с улыбочкой. Хотел Бойша выйти и зубы сопернику посчитать, да несостоявшийся тесть удержал. Завел он Бойшу в кабинет свой, усадил в кресло, настойки налил и сказал:

– Пока Талинке семнадцать зим не минет – не отдам я ее ни за кого. Сумеешь ты к тому времени благорасположение нарука заслужить – милости просим. Нет – за Покраса пойдет. Понял?

– Понял, – ответил Бойша, одним глотком выпил горькую настойку, поднялся и ушел из лабы. С той поры не абы за златыми горами или дурной удачей бродил Бойша по Россейщине – искал он службы у верховного итера, а пуще того хотел долг перед незнатем сполнить. Службу нашел, а вот долг...

Скрипел, стонал, выл древесный корабль, влекомый туго надутым парусом в неведомые дали. Мерцал разноцветными огнями в шумящей ветряной выси перетянутый вервием пузырь. Ночь готовилась дать смену дню. За зеленеющей кормой уже вспыхнуло рассветное зарево, обогрив темную кору деревьев и уложив на землю длинные фиолетовые тени.

Тамара, поеживаясь от порывов ветра, сидела на самом носу, там, где сходились вместе комли стволов и диковинными рогами расщеперились их корневища. Мыря лазил в недрах судна, надеясь добыть какое-нибудь пропитание и питье. «Без еды человек может прожить месяц, а без воды – всего три дня», – подумала Тамара. Подумала равнодушно, словно и не про себя. Пить уже не хотелось. Губы запеклись, язык во рту лежал неошкуренным бревном. Болел живот. Болели глаза. Все болело, но пить – не хотелось. Желание ушло. А вот необходимость во влаге осталась, и организм требовал – дай, дай хоть каплю! «Если Мыря до утра ничего не найдет, придется или пробовать пить древесный сок, или бросать эту повозку и идти в леса – искать воду». Мысли в голове девушки ползли медленно, неспешно.

Небо становилось все светлее и светлее. Поднялся ветер, вступил в спор с чаровной тягой, что надувала парус, зашатал деревья. С северо-запада появилась и быстро выросла тяжелая грозовая туча с высоченной белой шапкой наковальни. Солнце, еще скрывающееся за окоемом, раскалило эту наковальню, и она стала похожа на огромное красное знамя, пламенеющее в небесах.

Глубины тучи то и дело освещали зарницы. Неожиданно короткая ослепительная молния ударила в лес. Это было далеко, в паре километров, но Тамара все равно испугалась. Она представила, что с ними будет, если в этом лесистом краю начнется пожар.

А туча тем временем разрасталась. Ее исполинские крылья заволокли все небо, притушив краски рассвета. Пошел дождь, загрохотал гром. Надо было бы спуститься вниз, взять посуду и подставить под дождевые струи, но Тамара, замороженная мощью стихии, лишь ловила пересохшим ртом холодные капли, вцепившись в кривой носовой корень, увенчанный белым лошадиным черепом.

Стемнело. Молнии ветвились над головой. После каждой вспышки тьма, удушившая нарождающийся день, казалась еще более густой, глубокой. От грохота заложило уши. Дождь хлестал наотмашь, потоки воды текли по палубе, смывая с нее кровь и мусор.

Неожиданно Тамара поняла, что справа лес кончился и она видит широкий луг, прорезанный извилистой рекой. И там, на этом лугу, в нескольких сотнях метров от нее стоит, широко расставив ноги и подняв к небесам короткие руки, огромная человеческая фигура, облаченная в развевающиеся на ветру лохмотья. Она была выше леса. Голова исполина упиралась в тяжелое брюхо тучи. Неведомый великан вышел на открытое место и спорил со стихией, бросая ей вызов. Это было страшно. Тамара ничего не замечала вокруг, полностью отдавшись созерцанию этого поединка. Она не видела, как за ее спиной Мыря, выбравшись из трюма, расставляет по палубе котлы и ведра, как натягивает между ветвей на корме полотнище ткани, устраивая водосборник.

– Тварюшки кормовые зубасты оказались – упокойников наших наполовину объели. Оно и к лучшему – меньше мороки, – пробурчал домовой, задумчиво разглядывая гиганта. – Ишь ты, какая хреновина...

«Молния всегда бьет в высокие, одиноко стоящие объекты. Его убьет, – не слушая Мыри, переживала за неведомого великана Тамара. – Он погибнет, и мы так и не узнаем, кто он, откуда. А может, и хорошо. Если он заметит нас...»

Она не успела додумать – голова титана озарилась вспышкой разряда, по всему телу промчалась извилистая голубая змея молнии и растеклась светящимся озерцом по мокрой земле у ног исполина. Одежда загорелась, ветер понес полыхающие обрывки во тьму. Девушка увидела, как обнажаются огромные плечи, шея, руки... Но под сгорающей одеждой не было живой плоти, лишь какие-то перекрещивающиеся балки каркаса.

«Он не живой, – с горечью и одновременно с облегчением поняла Тамара. – Это... Это... Да это же просто опора линии электропередач!»

Только теперь до нее дошло, что она видит. Но знание это напугало девушку. Лишенная проводов, мертвая опора, обряженная неведомо кем в тряпье, украшенная множеством ленточек, веревок, лоскутов, казалась еще более невозможной, еще более пугающей, чем зачарованный лес, чем сухопутный древесный корабль, чем мертвецы, чем зубастые твари, что ели их разлагающуюся плоть. Невозможной, потому что существование опоры вот в таком искаженном виде означало – ни для чего другого она более не нужна, ей незачем и некому передавать энергию, свет, тепло, жизнь...

Обернувшись к столбам застывшему поодаль домовому, Тамара схватила его за отвороты кожуха, крикнула в невозмутимое бородатое лицо:

– Что это? Где, где мы оказались?!

Слободка жила своей обыденной, привычной жизнью. По кузням капелью стучали молотки, в огородах ковырялись бабы – пора стояла страдная, горячая. Бойша кивал знакомым, улыбался молодкам, степенно раскланялся с гревшимися на последнем в этом году солнышке стариками, обсевшими вытертую задами колодину у избы слободского старшины Самарки-третьего. Путь итера лежал на самый край поселения, где бобылем жил связчик, медных дел мастер Охта. Еще в юности он обезножил и с той поры дни и ночи свои проводил на устланной дырявой кошмой лавке, стуча молоточком-выгибкой. Из-под умелых рук Охты выходила дивная посуда – блюда, кувшины, плошки, разносы. Мастер умел не просто выколотить по форме нужную вещь, но и украсить ее цветочным узором, резцом насечь медные завитки так, что они играли, точно живые. Изделия Охты славились на весь край, от княжьего двора к нему заказы шли, и даже в иных землях, связанных путеводными плешами – на Полесье, в Коле, Ухтомье, Прикаменье, полевых княжествах и далеких Заопоясных крепостях, – Охтова посуда была в цене.

Сам мастер нигде, кроме Покровского городища и родной Шибякиной слободки, не бывал, но творения рук его широко разбежались по миру, принося Охте славу, а землякам и соседям – богатство. Другой бы на месте безногого медника озолотился, разбогател, но Охта

не был стяжателем. Иная страсть имелась у мастера – в отрочестве повезло ему набрести на книжный клад у Старых Ямин. Выучившись грамоте, одолел тогда еще куда как споро управлявшийся со своими ногами Охта древнепечатные труды и начал искать новые, ибо поселилась в сердце его тяга к знаниям. Она и привела будущего медника к итерам. Те заприметили смышленного парня и не дали ему пропасть, когда нарвался он во время охоты на матерого секача-таскуна. Зверюгу Охта убил, но тот, издыхая, сжевал ему ноги. Несколько дней червем выползал будущий медник к людям, а как добрался до приплешной Сорокиной слободы – провалился в горячий, огненный омут. Три седмицы тонул в нем Охта, и не знал он, как ночью, тайно, приходили на постоянный двор, где сгорал парень, итеры, как кололи они пылающую плоть иглами, как отняли пузырящиеся гноем ноги и, заплатив хозяину за молчание, сгнули в лесах.

Только спустя год, когда уже обучившийся у седого, как лунь, деда Панука основам медного ремесла, обживался Охта в Шибякиной слободке, явились к нему те, кто спас его из лап смерти. С той поры и стал безногий медник местным связчиком. Через него летели на невидимых крыльях сквозь пространства слова, что не предназначались чужим ушам, к нему приходили ответы. Даром что калека, а хорошо жил Охта – и дело делал, и красоту творил. Бойша, перекаати-поле, в чем-то завидовал меднику, но никогда бы в этом не признался даже Талинке.

Избушка Охты, низкая, но о двух трубах и с большими прорезными окнами, задней стеной приткнулась к слободской частокольной городьбе. У самых дверей громоздились поленицы, а в рубленом сарае, ухватившемся за избу рукой-гульбищем, хранился древесный уголь для горна. Бойша толкнул дверь и без стука вошел. Охта, убрав длинные светлые волосы под кожаную шапочку, сидел за верстаком у открытого окна, поглядывая на заросли крапивы, и задумчиво постукивал тонкоклювым чеканком.

– Один? – спросил Бойша, оглядывая горницу-мастерскую. Повсюду здесь с потолка свисали ременные петли, непонятно для стороннего человека зачем были расставлены скамьи и табуреты.

– Один, – спокойно ответил мастер, откладывая чашку-поливник. – Что слышно на плешах?

– Куплецы ехали, товар просыпали. Бабы собирали – подолы рвали, мужики брали – руки поsbивали. Я шел, орехи колол. Скорлупки на брос, а ядра принес.

Охта понимающе улыбнулся – итеру нужна связь, и дело связчика – обеспечить ее. Ухватившись за ближайшую петлю, медник легко поднял в воздух свое искалеченное тело и ловко пошел по избе, перехватывая руками. Опустившись на скамью у дальней стены, он сунулся за широкий дверной косяк и двумя пальцами вытянул оттуда плоский брусочек питальщика, хранящий в себе небесные искры. Перебросив питальщик Бойше, хозяин избы вихрем пронесся к печи, скрылся за ней и вскоре появился, держа в зубах за стебелек антенны дырчатую связницу.

Кинув себя на кровать, Охта бережно положил прибор рядом и тихо приказал Бойше:

– Дверь припри. И окошко.

Связчиком медник был аккуратным, исправным. Бойша не помнил, чтобы хоть раз не оказалось у него живого питальщика, чтобы связница забарахлила или по иной какой причине отказал Охта кому-то из итеров и близких итерскому духу людей, посвященных в тайну.

Со щелчком вставив поданного Бойшей питальщика в связницу, медник дождался, пока не зазеленеет крохотное окошечко-писанница, старательно набрал известное лишь ему цифровое имя. Связница попискивала, точно мышонок, а Бойша представил, как срываются с антенны удивительного прибора невидимые сигналы, ласточками взмывают в небо и мчатся в запредельные дали, до которых конному не одну седмицу ехать.

Ответ пришел быстро. Охта бережно поднес связницу к уху, произнес положенное запретное слово:

– Алло. Здесь тринадцатый. Дайте связь.

– Алло, тринадцатый, здесь сотый. Запрашиваю пароль, – кузнечиком протрещал в связи далекий неизвестный голос.

– Синхрофазотрондетерминантколлайдер! – тихо, но быстро и четко выпалил Охта. Отзвук пришел секунду спустя:

– Котангенсорсульфазоладиобата.

Бойша знал – ни один из чистунов, а тем паче незнатей никогда в жизни не сможет повторить древние и тайные слова. Что они означают, ведали лишь верховные иерархи итеров.

– Связь даю. Говорите, – стрекатнула связница.

Охта протянул прибор Бойше. Итер облизнул разом пересохшие губы. Он всегда волновался, беря в руки дырчатую коробочку. Сейчас его слова превратятся в сигналы и умчатся в восходные земли. И это будет сделано не чарами Всеблагото Отца, а едино лишь силой человеческого разума.

– Здесь Бойша Логсын, – хрипло выговорил итер. – Инфа для господина нарука: дело сделано, пакля со мной, доставлю по случаю. Ждите.

– Понял тебя, Бойша Логсын. Это все?

– Все, – зачем-то кивнул итер, несколько мгновений тупо смотрел перед собой, потом отдал связницу Охте.

– Здесь тринадцатый. Конец связи, – произнес медник и отключил прибор. Выщелкнув питальщика, он поджал губы – на торце брусочка горел красный огонек, означающий, что небесные искры заканчиваются и питальщика пора кормить новыми.

Кормежку творили на мельнице, где к ветряку была тайно приспособлена чудо-машина генератор. Ведал генератором Самарка-третий, но даже он, слободской старшина, не знал, для чего Охте заряженный питальщик.

Упрятав связницу, медник по ремням вернулся к верстаку.

– Надо чего? – спросил он Бойшу, берясь за чеканок.

– Барахлишко примешь? Ножей пара, по мелочи кое-что.

– Горячее?

– Ага.

– Тогда вполцены.

– Идет, – беспечно согласился Бойша. За вещи убитых чистунов выручить хоть что-то – удача. Не было ведь ни гроша, а тут – алтын.

– Еще что? – Охта глянул на итера.

– Патронов бы зарядить пару дюжин. У тебя больно точнобойные выходят.

– Сделаем. Подай-ка с полки набойник да мерку. Жрать хочешь?

– Потом, ввечеру. – Бойша передал Охте требуемое, сел на табурет, вытащил из мешка коробку с гильзами, положил на край верстака. Есть хотелось так, что в брюхе словно мартовские кошки завывали, но объедать хозяина итер не собирался – тот без бабы живет да без ног, какой уж тут харч, какая готовка?

– Тигель на огонь поставь. Углей там нагребь, да не протряси, – распорядился медник, быстро отбирая нужные по калибру гильзы и пропуская их через трубку обжимника.

Свинец расплавился скоро. Бойша, натянув на руку суконный прихват, перенес тигелек на верстак, где уже готов был ряд форм для пчел.

Охта сам разлил сверкающий металл, бормотнул что-то и взялся за капсули. Постукивая деревянной выколоткой, он снарядил гильзы и принялся отмерять порох. Вскоре двадцать четыре патрона стояли в ряд, ожидая, когда остынут пчелы. Их медник вставлял щипцами и в два оборота сдавливал обжимником.

– Готово! – Охта глянул на Бойшу.

– Спасибо. – Итер убрал патроны, разложил по местам инструменты. – Пойду я пока... Самарку повидать надо, к Горчиле зайти. На закате жди, с гостинцами, повечеряем. Бывай!

– И тебе не хворать, – отозвался медник, уже постукивая молоточком по краю чашки.

А начиналось все более чем прозаически: утром, придя на работу, Тамара встретила у лифта старлея Женю Стеклова, за внешнее сходство и длинные волосы прозванного в Управлении Т Джимморрисоном. Стеклов выглядел озабоченным.

– Привет! Шеф велел тебе зайти, как появишься.

– А что такое? – поинтересовалась Тамара, помня древнюю мудрость: «Предупрежден – значит вооружен».

– Какое-то взаимодействие с ментами, кажется, – пожал плечами Джимморрисон. – Ну давай, я побежал!

– А ты куда?

– Карпухин во Владик с инспекторской проверкой летит. Мне оборудование отправить надо, – уже из кабины лифта ответил Стеклов и исчез за сомкнувшимися дверями.

Начальник гвардмейстерского отдела Управления Т полковник Терентий Северьянович Чеканин ждал Тамару в своем старомодном, имперского стиля, кабинете. Сидя за огромным столом, он при свете сталинской лампы с зеленым стеклом просматривал распечатки, доставленные из информотдела.

– Здравствуй, душа моя. Проходи, садись. – Чеканин отложил сводку, выключил лампу. – Ты чем сейчас занимаешься?

– Законом парных случаев применительно к Темному миру, – ответила Тамара. – Но это скорее исследование, чем...

– Ясно, – перебил ее Чеканин. – Чайку не желаешь?

– Спасибо, Терентий Северьянович.

Полковник налил Тамаре стакан чая, вставил его в серебряный подстаканник, пододвинул блюдце с сухками.

– Вот какое дело, душа моя: смежники наши из спецкомиссии МВД вышли на группу Коща. По имеющейся у них информации, под Можайском, на торжище диких незнатей, сегодня в пятнадцать ноль-ноль должна состояться сделка между неким неизвестным и самим Кощем. Предмет сделки – якобы энное количество чаровной силы, собранной и заключенной в бурдюк из кожи нетопыря. Многие незнати занимаются таким промыслом – собирают и продают уже сплетенные заклятия. Покупатели, как правило, люди, чаровники, использующие чужие запасы, дабы попусту не тратить свою энергию. Так что тут вроде бы все вполне нормально, за одним только исключением – почему Кощ сам выступает в качестве покупателя, не отправив в Можайск кого-нибудь из своих подручных? У нас имеется полученная через осведомителей информация, что на самом деле Кощ собирается купить артефакт из числа «бесценных древних вещиц».

– А что это? – удивилась Тамара. – Никогда не слышала такого термина.

– Это дословный перевод с арабского, – ответил полковник. – В шестнадцатом веке сирийский маг Нахур Аль-Дамаси впервые поименовал так предметы из собрания тамплиеров, обнаруженные в могиле одного из орденских братьев, похороненных у крепости Тортоза. «Камень богов», «Меч пророка», «Цепь Святого Антония», «Ветвь Адама» и прочие артефакты, хранящие в себе частицы мощи великих чаровников давно прошедших эпох. Постепенно в число «бесценных древних вещиц» вошло двенадцать предметов, каждый из которых может в сотни раз увеличить способности как людей-чаровников, так и незнатей, обладающих ими. Поэтому все эти артефакты находятся под жестким контролем властей и тщательно охраняются. Четыре артефакта находятся в России, шесть – в США, по одному – в Германии и Франции. И вот вроде бы как появился тринадцатый предмет.

– Есть предположение – что это?

Чеканин отрицательно покачал головой:

– Нет. Но я думаю, это привет от Хорста Убеля. Ты помнишь, что из обрпункта-14 сумели ускользнуть двое незнатей?

– Да, я читала отчет. – Тамара кивнула и тут же вскинулась: – То есть вы хотите сказать, что они унесли с собой то, что Убель вынес из архива?

– Я ничего не хочу сказать, потому что ничего не знаю. Это все лишь гипотеза. И чтобы подтвердить либо опровергнуть ее, ты возьмешь передвижной следящий комплекс «Зрак» и поедешь на милицейскую операцию в качестве консультанта-наблюдателя. Я бы сам поучаствовал, да у нас совещание в «головном офисе». В общем, собирайся, бери «Зрак», и – с Богом. Будь осторожна, никуда не лезь. Твоя задача – зафиксировать энергетический отпечаток артефакта.

Тамара поднялась. Чеканин тоже встал, протянул девушке подписанную заявку для техотдела.

– И вот еще что, душа моя. Возьми-ка ты с собой нашего сержанта. И ему полезно развеемся, и я за тебя спокоен буду.

– Хорошо, Терентий Северьянович. Во сколько выезжать?

– В тринадцать двадцать. Полковник МВД Закряжин, ты его должна помнить по делу Убеля, будет ждать вас на Минском шоссе у поворота на Кубинку.

«Я еще успею в аптеку!» – прикинула в уме Тамара. Неожиданное задание особо не взволновало ее. Исполнять обязанности наблюдателя девушке было не впервой, техномагический мобильный комплекс «Зрак» она изучила если не досконально, то, уж во всяком случае, на твердую четверку. Гораздо больше Тамара переживала из-за просьбы соседки Татьяны Сергеевны. Та, вдова, пожилая, но крепкая еще женщина, жила тем, что держала дома пару породистых мопсов, регулярно продавая через международный клуб собаководов щенков. Накануне, во время прогулки, одного мопса искусал дурной ротвейлер из сорок девятого дома. Раны воспалились, и Татьяна Сергеевна, безоглушно сидевшая со своим любимцем, попросила Тамару зайти в ветеринарную аптеку – купить антибиотик цефалексин.

Она сбегала за лекарством, выпила в кофейне чашку капучино, вернулась в управление, отнесла заявку в техотдел и спустилась в подвал за напарником.

Домовой уже почти месяц сиднем сидел в своем блоке и хандрил. Потеряв зимой во время операции в Зареченске двух своих напарников, Охохонюшку и Мочану, Мыря блестяще проявил себя в весеннем рейде сотрудников отдела по городам Уральского региона, в Магнитогорске взял практически без борьбы гварда-отступника, а вот летом загрузил.

– Пошто живу, небо копчу? – тяжело вздыхая, спрашивал незнать то ли у Тамары, то ли сам у себя. – Смыслу не вижу. Каждый день как другой – и все вместе на цепь похожи. Тянется моя цепь, по рукам-ногам путает. Мочи нет. Уйду я. Совсем уйду. Судьба, знать, так желает. Спать буду. Не зови меня и начальнику скажи – не пойду. Хватит.

– Но ты же самый лучший из всех незнатей, принявших Красную печать! – убеждала девушка Мырю. – Как мы без тебя? А судьба... Судьбу люди сами творят. И незнати тоже. Будешь сиднем сидеть – совсем пропадешь. Поднимайся, поехали.

Опустив мохнатые брови на желтые глаза, Мыря вздыхал, дергал себя за бороду, шуршал сеном, наваленным на нары. Тамара терпеливо ждала, поглядывая на часы. Времени оставалось мало, но девушка понимала – торопить домового не надо.

Свесив босые ноги, Мыря посидел на краю нар, спрыгнул наконец вниз и начал одеваться.

– Вот скатаюсь с тобой, погляжу на мир тварный последний разок – и на покой, – ворчал он, наматывая портянки. – Был сержант Мыря, да весь вышел. Амба!

До Можайска добрались быстро. Закряжин встретил микроавтобус управления в условленном месте, забрался в салон. Вежливо поприветствовав незнати и Тамару, он предложил кофе из термоса и коротко объяснил коллегам детали предстоящей операции.

– Коша уже ведут. Торжище наши люди держат под контролем. Там сейчас тихо. Главный минус, так сказать, узкое место, – мы не знаем, откуда появится продавец и кто он. Двое наших незнатей отслеживают все перемещения биоэнергов в окрестностях. Но у нас нет уверенности, что им удастся зацепить артефакт.

– То есть вы думаете, что возникнут проблемы с захватом? – спросила Тамара.

Закряжин, смущенно почесав гладко выбритый подбородок, покосился на Мырю и кивнул:

– Уверен, что возникнут. Поэтому мы и обратились к вам. Ваши приборы в состоянии зафиксировать энергетический слепок артефакта. План такой: прервать сделку в самом начале, взять Коша на месте, а продавца с товаром – чуть позже, где-нибудь в укромном уголке.

– А почему нельзя арестовать всех сразу? – удивилась Тамара. Закряжин улыбнулся, но ответить не успел – в разговор вмешался Мыря:

– Коли Кош штуковину эту хоть на миг получит – больших делов наворочать сможет. Нельзя ему в руки такое давать, что б там оно ни было. Поняла?

Тамара покраснела – ей объясняли очевидные вещи. Разговор пресекался, некоторое время в салоне микроавтобуса царила тишина. За окнами проносились скошенные луга с длинными копнами подготовленного к вывозу сена. Дальние леса уже тронула желтизна, хотя было только начало сентября. «Ранняя в этом году осень. – Тамара скользнула взглядом по сосредоточенному лицу Закряжина, по нахохлившемуся Мыре. – Буду проситься у Чеканина на оперативную работу. Совсем я закопалась в информотделе...»

Торжище незнатей раскинулось на окраине Можайска. Непосвященному человеку, личено, сложно было догадаться, что вот этот заставленный старыми железнодорожными контейнерами, заросший лебедой, замусоренный пустырь – оживленная торговая площадка обитателей Темного мира.

Пустырь граничил с обнесенным сеткой-рабицей пристанционным мелкооптовым рынком. Здесь было многолюдно, можайцы и гости «Священного города русских», как именовали Можайск туристические справочники, толкались меж торговых рядов, пахло прогорклым жиром, овощами, автомобильным выхлопом, гремел из колонок над ларьком с дисками очередной шлягер-однодневка:

Мой любимый ушел к другой,
Потеряла я сон-покой.
Лишь колечко на пальце осталось.
А граната ему досталась!
Гра-а-на-а-ата, разорви мою любовь!
Гра-а-на-а-ата, пусть измену смоем кровью!

Закряжин оставил Тамаре рацию, сообщил позывные, откатил дверцу и канул в толпу.

– Где встанем? – поинтересовался водитель, повернувшись в салон.

– Вон там, у деревьев, – указала Тамара, расчехляя «Зрак».

Микроавтобус, урча двигателем, протиснулся через толчею машин и замер на обочине разбитой дороги. Отсюда хорошо просматривался весь пустырь. По краю его, у забора рынка, сидели в ряд торговцы всевозможной рухлядью. Облаченные в телогрейки выпивохи, бабки, закутанные в платки, какие-то вовсе опустившиеся личности разложили на газетах и картонках старые вещи, инструменты, поношенную обувь, безделушки вроде значков, статуэток, разнокалиберные вилки-ложки и книги. Поодаль мелькали силуэты нескольких бродячих собак, какие-то смазанные тени шныряли между контейнерами, в воздухе кружили воробьи и голуби. Обычная, ничем не примечательная картина провинциального быта начала двадцать первого века.

Направив раструб прибора, Тамара вставила в ухо серебряную капельку наушника, включила питание, краем глаза заметив, как оживившийся домовый привстал с сиденья, разглядывая пустырь. «Зрак» загудел, экран пошел полосами, затем на нем возникло четкое в своей невозможности изображение: весь пустырь оказался заполнен незнакомцами. Не менее сотни их деловито расхаживали туда-сюда, о чем-то оживленно беседуя, некоторые подходили к торговцам, над которыми дрожали разноцветные ауры, указывающие, что это не просто люди, а личени-чаровники.

На торжище собрались в основном стихии, прикиды и перевертыши из разных родов. Хотя Тамара и потратила полгода с лишним на изучение многообразных видов биоэнергов, сейчас, «в поле», она с ходу смогла опознать только колдобенника, шипуху и пару лесовиков, да и то исключительно потому, что у этих незнакомцев имелись явно выраженные приметы – колдобенники отличались огромными ступнями, у шипух все тело было усеяно мелкими колючками, а лесовики носили одежду наизуоборот, с застежками на женскую сторону. Все остальные, обряженные в личины, завернутые в тряпье, ежесекундно меняющие облик, идентификации не поддавались. Тамара хотела уже поинтересоваться у Мыри относительно самых необычных участников торжища, но тут ожила рация.

– Я первый. Объект приближается, – пробился сквозь треск помех голос Закряжина. – Общая готовность. Повторяю: общая готовность!

Дождавшись своей очереди, Тамара сообщила полковнику, что они готовы, и снова устремила взгляд на экран «Зрака». Когда Кош появится на торжище, ее задача – отслеживать перемещения главного московского чаровника-нелегала, дожидаться встречи с продавцом, зафиксировать артефакт и дать сигнал Закряжину. «Знал бы шеф, что вместо его «никуда не лезь» мне придется быть чуть ли не главным действующим лицом всей операции – пожалуй, сам бы поехал», – усмехнулась Тамара, но тут Мыря хлопнул ее по руке, указывая на темно-зеленый «Узик»-«буханку», неуклюже переваливающийся на колдобинах.

– Кош? – тихо спросила Тамара.

– Он. Хорошо прикинулся, хрен подумаешь... – Незнать нахмурился. История его вражды с чаровником была давней, темной. Тамара знала только, что Мыря значился в «мертвецком списке» Коша едва ли не на первом месте, а уж у незнакомца чаровник шел вне всяких списков – «Сколько раз увижу – столько раз убью». И вот сейчас заклятый враг был буквально в двух шагах от домового – и тот не мог, не имел права ничего сделать. Впрочем, даже если бы у Мыри и появилась возможность поквитаться с Кошем, вряд ли чаровник прибыл бы в Можайск без охраны. – А вот и догляды ментовские, – с неожиданной усмешкой фыркнул домовый. – Вишь, у личенихи-травницы двое стоят? Греча и Багульник. Телепени ушастые. Кош небось срисовал их уже. Эх, гранатомет бы мне...

Тамара, никак не отреагировав на горестный вздох незнакомца, касающийся гранатомета, продолжила следить за «узиком» Коша. Вот он втиснулся в ряд машин, припаркованных у ворот мелкооптового рынка, вот открылась дверца, и некоронованный монарх Темного мира столицы ступил узконосой модной туфлей в рыжую можайскую глину.

Сопровождающих у Коша оказалось трое – двое людей, чаровников средней руки, зато поражающих своими размерами, и неприметный незнак из мимикризантов, прикинувшийся крохотным кроликом-альбиносом с красными злыми глазками. Уютно устроившись на руках Коша, незнак внимательно следил за происходящим вокруг – аура его пылала, как фальшфейер.

– Это первейший догляда Коша, око его и ухо, – прошипел с ненавистью Мыря. – Шорох именем Чука. По его наущению немало добрых незнакомцев загло.

Кош перешел дорогу и в окружении бодигардов двинулся вдоль ряда торговцев-личених. Чаровник был облачен в дорогой черный костюм-тройку, под хрящом кадыка искрился бриллиантами кокетливый галстук-бабочка. Ни дать ни взять столичный модник приехал в

провинцию побродить по местному блошиному рынку. Кошу почтительно кланялись. Тамара несколько секунд смотрела на узкое темное лицо всемогущего чаровника, потом перевела взгляд на экран «Зрака». Шедший слева от босса телохранитель нес на растопыренных пальцах сплетки боевых чар, правый сунул руку за отворот куртки, видимо, держась за рукоять пистолета.

Греча и Багульник юркнули за рассеявшийся ржавый контейнер, чтобы не попасться на глаза Кошу. Мыря сердился, катал в горле рык, как взбешенный кот. Время сделалось тягучим, как патока. Тамара сжала повлажневшей рукой рацию, готовая в любой момент подать сигнал людям Закряжина.

Откуда вывернулся вислоусый овинник, она не поняла. Казалось, он просто возник из воздуха и встал перед Кошем, покачиваясь с пяток на носки коротких грязных сапожков. В руках овинник сжимал обыкновенный дерюжный мешок. За спиной незнатя маячила раздраным комком шерсти обдериха, ее скукоженная мордочка то выступала на свет, то пряталась в серой мути.

– Он это! – взвыл Мыря, подскакивая от возбуждения. – Этот! В мешке, там! Ох, ярок, слепит... Чего сидишь?!

Последняя фраза адресовалась Тамаре. Девушка вскинула рацию, но в эфир выходить не торопилась – «Зрак» не показывал, что в мешке овинника что-то есть.

– Давай, девка! Поздно будет! – бесновался домовой. – Плюнь ты на свою технику, голоси на всю ивановскую! Говорю тебе – поздно будет!

– Но нет же ничего! – растерянно выкрикнула Тамара, и тут на экране «Зрака» будто вспыхнуло крохотное солнышко – это овинник раскрыл горловину мешка, показывая Кошу свой товар. «Зрак» взвыл процессором, записывая параметры энергетической составляющей объекта. – Первый, я пост наблюдения! Они встретились! Артефакт зафиксирован! – едва ли не провизжала Тамара в рацию.

Улиткой проползла томительная секунда, пошла вторая. Коц сунул руку в мешок. «Где же оперативники?! – закусив губу, переживала девушка. – Он же сейчас возьмет ЭТО...»

Дальнейшее произошло настолько быстро, что вычленишь какие-то конкретные моменты задержания чаровника Тамара не смогла бы при всем желании. Вот Коц стоит, рука в мешке. А вот он уже летит на землю, бодигарды валяются поодаль и шорох Чука белой снежинкой мчится прочь. Вокруг суетится множество людей и нелюдей, свившихся в причудливый многорукий и многоголовый клубок.

– Взяти! – восторженно цокнул языком Мыря. – Ай, молодец! Теперь бы только не выскользнул. Он же как налим, гнида...

Домовой точно в воду глядел.

Коц каким-то невероятным усилием вместе с пиджаком стряхнул с себя повисших на плечах оперативников. Оставшись в жилете, чаровник рысью отскочил в сторону, рванул с шеи галстук-бабочку. Украшавшие ее бриллианты ослепительными искрами сыпанули в разные стороны, превращаясь в глыбы льда, отливающие на неярком сентябрьском солнце зеленью.

– Ой! – вскрикнула Тамара. Водитель, дремавший за баранкой, поднял голову, оглядываясь.

– Что тут? А? Ах ты черт...

Последнее восклицание относилось к Кошу – тот, размахивая мешком и делая гигантские прыжки, мчался через пустырь прямо к их микроавтобусу. Вытащив пистолет, водитель распахнул дверцу. Одновременно с ним наружу полез отчаянно ругающийся Мыря.

Что случилось потом, Тамара не поняла. В памяти осталось только обезглавленное тело водителя, застывшее возле машины, красный луч, вылетевший из руки Мыри и вонзившийся в грудь Коца, а затем на нее навалилась тьма...

* * *

Весь день Бойша провел в заботах. Уходить из слободки он собрался ночной порой – днем одинокий путник с шибалом больно заметен. За Белой водой имелось у итера приметное одному ему местечко – островок на болотине. Идти туда, правда, хлопотно, урема кругом, бучила, что дышат злым духом, да тварей всяких окрест не счесть, ну зато на островке, что Бойша прозывал Лягухиным, никто его не найдет – и искать не станет.

Запасясь харчем, выменяв у жены слободского старшины Самарихи на пару скакунных шкурок вязаную поддеву, разжившись у лудильщика Жихана горючей слезой, перед закатом отправился Бойша, как и обещал, к меднику – повечерять. Потом, в сумерках, перемахнет он городьбу за Охтиной избой и канет в лес – только его и видели.

«По чарке выпьем, закусим – и в путь», – неспешно шагая по слободке, размышлял Бойша. Тревожный свист караульщика с вышки толкнул его в спину, точно ветер. Сердце сразу взялось в разбег, лицу стало горячо. «Это по мою душу, – понял Бойша. – Незнать, тварь, выследил. Уходить надо».

Огромными прыжками итер понесся к городьбе. Изба медника, откуда доносилось звонкое постукивание молоточка, осталась в стороне. Перебросив мешок через городьбу, Бойша подпрыгнул, изогнулся, цепляясь носком сапога за отесанный верх заплотного бревна, подтянул тело вверх и, сдирая слой мха, наросший на острие, перевалился на внешнюю сторону. Спасительный лесок темнел совсем рядом. Но уже наладившись нырнуть в частый осинник, Бойша на мгновение замер, прислушиваясь к звукам, метавшимся над низинкой, – и остановился.

Он не мог просто так уйти, бросив жителей Шибякиной слободки на милость чистунов. Судя по крикам и звону клинков, у ворот на другой стороне городьбы уже шел бой. Это значило, что незнать привел большой отряд княжьих дружинников или, что еще хуже, сынов Всеблагого Отца, безжалостных и беспощадных. Они с ходу налетели на слободку, а раз так, стало быть, ждет поселение разор и смерть.

«Проберусь краем частокола и погляжу, – решил Бойша. – Если чего – вдарю из шибала. Коли мужики на городьбе упрутся, да я точно бить стану – авось отмашемся».

Все обернулось как нельзя хуже. По следу итера и впрямь пришли сыны Всеблагого, головорезы, каких поискать. Бойша опознал их издали по крупночешуйчатым кольчугам и особым, прямым мечам-палашам. Осыпав защитников слободки стрелами из больших, чужеземной работы, самострелов, поимщики двинулись на приступ. Пока одни пытались перемахнуть через заплот, несколько рослых воинов вырубали в леске бревнину для тарана.

Когда стесанный наобум комель ударил в затрещавшие створки, когда полетели через головы слобожан факелы и головни, Бойша выбрался на удобную для стрельбы позицию и изготовил шибало. Он собирался выцелить и первым делом положить незнать, но того нигде не было видно. И тут рухнули в клубах пыли и дыма воротины. Сыны Всеблагого с воплями рванулись внутрь.

«Пропaday, моя головушка», – стиснул зубы итер и начал слать пчелу за пчелой в облитые кольчугами спины. Ветер, раздувший пожар в слободке, потянул дым верхом, застя глаза нападавшим. Бойше это не мешало – метавшиеся у ворот фигуры он видел отчетливо. Спрятаться за заплотом сынам не давали последние уцелевшие защитники, насмерть вставшие в воротном проеме, и итер стрелял, как по тетеревам, особо не заботясь, что враг спрячется – некуда ему прятаться.

Незнать Бойша заметил случайно – меняя улы-магазины, вскинул голову, увидел на путеводной плешу идущего к слободке коня, а потом скользнул глазами ниже и вздрогнул.

Псеглавец. Хуже плохого это. Умны, сильны, злы псеглавцы, первейшие слуги Человека-Без-Имени. Такие не спустят и не отступят.

И еще: коли псеглавец сопровождал тех чистунов, что тексты несли, стало быть, ух как непростые это бумаги...

Оборотень крался через осинник, уверенный, что итер его не замечает. «Чаровать будет, – понял Бойша, перекладывая горячий ствол шибала на левую сторону. – Что ж, поглядим, кто из нас скорее да точнее...»

Незнуть метнул свою сплетку первым, но опередил свинцовую пчелу на полвзмаха ресниц. Бойша хотел торжествующе вскрикнуть – но вместо этого заскрипел зубами от досады. Пчела краем задела незнанию руку, всего лишь сбив бросок. Сплетка полетела не в Бойшу, а по кривой на пылающую, объятую криками слободку. Полетела, развернулась – и потекла вниз, в земной ад гибнущего селения, угольная тьма.

«Черная небыть! – ахнул Бойша. – А там два с лишком десятка душ шибякинцев да сынов под четыре десятка. Всем конец. Распухнет небыть, всю низину зальет по маковки...»

И следом возникла другая, простая и ясная в своей очевидности мысль: «Бежать надо! Тексты уносить! Незнанию изничтожить их важнее, чем заполнить».

Рванулся итер через заросли, полез вверх по склону – прочь от черной небыти, прочь от смерти, но тут свистнуло меж ветвей, и он уперся грудью в незримую преграду.

– Погань незнацкая! – зверем оскалился Бойша, срывая шибало с плеча. – Л-ладно, гни-довин, давай померяемся, у кого жилы туже...

Дождевая вода была сладковатой на вкус и почему-то отдавала рыбой. Но Тамару это уже не волновало. После видения озаренной молниями опоры ЛЭП, превращенной неведомо кем в языческого идола, после истерики, случившийся с ней, девушка обессилела и дрожала то ли от холода, то ли от нервного потрясения.

Мыря собрал почти три ведра воды и теперь, дав напиться Тамаре и утолив жажду, развесил на ветках свою мокрую лопотину, шеголяя в одних сатиновых трусах до колен. Холод домовому был нипочем, Тамару же он заставил переодеться в сухое, притащив из трюма замшевые штаны, суконную куртку и подбитый коротким бурым мехом плащ. Откуда вещи, с кого их снял Мыря, Тамара не поинтересовалась. Молнии ли выжгли ей душу, дождь ли вымыл из нее что-то очень важное, человеческое, но девушка только вяло принялась к одежде – тухлятиной не пахнет – и переделалась, сунув домовому сырой ком на просушку.

– А ведь пава павой, лясимкая такая, – прищелкнул языком Мыря, окинув взглядом Тамару. – Порты особливо моднявы.

Девушка хотела улыбнуться в ответ на шутку домового, но не сумела выдать из себя и подобия улыбки. Мыря покачал головой, сердито дернул себя за бороду и убрел с палубы.

Тучи разошлись, солнце поднялось к зениту; припекало. Местность окрест начала меняться. Угрюмые леса все чаще сменяли прозрачные, веселые перелески; открылись дали. Стайки молодых березок, выбегая к прогалине, щедро рассыпали вокруг себя золотые монетки листьев. «Осень, – поняла Тамара. – Как и у нас. Сентябрь. Бабье лето». И, словно в ответ на ее мысли, с высоты прилетел пульсирующий клик журавлиной стаи. Птицы летели косым клином и с палубы древесного корабля казались росчерком, ожившей «галочкой», небрежно поставленной кем-то на бледно-голубой странице небес.

А потом она увидела ежика. Тощий, взгорбивший колючки зверь выполз из зарослей лещины, принялся, тыча узкой, неприятной мордой в траву, споро перебежал прогалину и канул в осиннике по другую сторону. И все бы ничего, да вот только размерами тот ежик был с добрую свинью...

Дважды за день корабль пересек вброд неширокие, спокойные речушки. Тамара, оправившись от утренних потрясений, попыталась разобраться в системе управления, дергая за

палки и веревки, свисавшие с потолка в «рубке», как окрестила она носовое помещение судна, но больших успехов не достигла. Однажды ей вроде показалось, что скорость корабля увеличилась – отчаянно, навзрыд застонало дерево, скрипы и шорохи слились в общий, истошный визг, но тут прибежал взъерошенный Мыря и, сверкая глазами, велел «дурью не маяться».

– Везет нас эта телега – и пушай везет! Когда что-то работает – не лезь, боком выйдет! – сурово отчитал Тамару домовой. Девушка молча развела руками и поднялась на палубу. Мыря был прав, но безделье, голод и отсутствие информации, словно гири, пригибали к земле, и хотелось сбросить эту тяжесть, выпрямиться, снова стать сильной и уверенной в себе.

Перевалило за полдень, солнце покатилося к закату. Теперь оно било в глаза, бликуя на стеклах очков Тамары, и, чтобы посмотреть вперед по ходу корабля, приходилось козырьком приставлять ладонь ко лбу, закрываясь от слепящих лучей. Поэтому, а может, и из-за отсутствия привычки распознавать в этих мглистых, серо-коричневых, крапчатых каких-то даях приметы человеческого жилья, деревню Тамара заметила не сразу.

Небольшая, в полтора десятка домиков, она уместилась в тенистой низинке у подножия леса по левую руку от прогалины, по которой двигался древесный корабль. Домики окружала потемневшая городьба, выслав ближе к вершине холма сторожевую вышку, на которой сейчас бесновался, размахивая руками и что-то крича, бородатый человек с луком в руках.

Тамара крикнула Мырю, жадно всматриваясь в первое человеческое поселение, увиденное ею в этом странном месте. Домовой выбрался из трюма, вытирая о штаны испачканные липким руки.

– Трупаков-то зубачи, что в кормовом бучиле обретаются, подъели почти. Руки-ноги только остались, – буркнул он. – Чагось тут?

– Вон деревня! – едва не вывалившись за борт от возбуждения, крикнула Тамара и осеклась – караульщик на вышке вдруг выронил кривульку лука и полетел вниз. А из багряной кленовой рощи к запертым воротам деревни грязно-блескучей многопальчатой лапой метнулись люди, поблескивая зажатými в руках длинными клинками.

– Эх ты! – вскрикнул Мыря, жадно вглядываясь в разворачивающийся перед ними штурм деревеньки. – Во попали мы, девка! Оне счас резаться начнут, а нам-то аккурат рядышком пройти придется. Вишь, дорога прямо краем по холму проложена. Кабы и нам не отгрести...

У Тамары все внутри похолодело. Она представила себе грязных бородатых мужчин с окровавленными мечами в руках, взбирающихся на палубу древесного корабля. Не нужно было гадать, что ждет ее, если это случится.

– Где кинжалы? – без голоса спросила она, неотрывно глядя, как нападавшие облепили ворота и городьбу, пытаясь с помощью лестниц перебраться через заплот сразу в нескольких местах.

– Ага, – сразу смекнул, что к чему, Мыря. – Я счас, принесу... И лестницу втяну.

От деревни доносился звон оружия. По верху частокола замелькали люди. Копьями, вилами, просто жердями они пытались оттолкнуть, сбросить лестницы, поразить карабкающихся по ним находчиков.

– Коли нормальная, личеньская деревня, мужиков тут десятка два будет. Приступщиков раза в два больше. Не сдюжат поселяне, – прокомментировал штурм вернувшийся Мыря. – Ежели подмоги не будет – хана всем.

У Тамары бешено колотилось сердце. Она сразу встала на сторону неведомых ей жителей прилесной деревеньки и теперь отчаянно переживала за них, скорбя, что ничем не может помочь этим несчастным.

Два клинка, принесенные домовым, девушка положила на палубу возле себя. Чем бы все это ни закончилось, как бы ни обернулось, живой она им не дастся – хватит, была уже заложницей, месяц потом в больнице провела. Мыря, похоже, размышлял сходным образом.

Он вооружился топориком, за голенище валенка сунул пару ножей, а верный кистенек-гирьку повесил на пояс – чтобы всегда под рукой был.

Штурм между тем перешел в новую фазу. Не сумев одолеть частокол, находчики при-тащили с опушки корявое неокоренное бревно, видимо, наспех вырубленное в леске, и принялись бить им в ворота. В гуще столпившихся у городьбы людей вспыхнули факелы. Объятые пламенем палки взмыли в воздух, огненным дождем окропив деревню. Крытые соломой и дранкой кровли изб занялись быстро, и белесый дым поплыл над низиной, заволакивая побоище.

– Гляди-кось, ворота сбили! – воскликнул Мыря, кулаком пристукнув по бортовому стволу. – Ну все...

И тут над деревней гулко раскатился звук выстрела, а следом за ним – второй, третий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.